

Хелле *скандинавская* линия

MSU 00388456789
2261
87

А.М. ОЛЛИКАЙНЕН

КОНТЕЙНЕР

«Дебютный роман А. М. Олликайнен стал первым финским триллером, вдохновлённым датско-шведским сериалом «Мост». И речь скорее именно о влиянии, а не о заимствованиях».

Gazeta Kansan Uutiset, Финляндия

«Это финский Ларс Кеппер!»

Издательство Otava, Финляндия

А. М. Олликайнен
Контейнер
Серия «Скандинавская
линия «НордБук»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68844303
Контейнер / Олликайнен, А. М.: ИД «Городец»; Москва;
ISBN 978-5-6048318-2-3

Аннотация

У загородной резиденции известного в Хельсинки семейства Лехмусоя обнаружен контейнер с телом женщины. За расследование берётся комиссар полиции Паула Пихлая. Постепенно становится ясно, что преступление связано с бизнесом, который Лехмусоя много лет назад вели в Африке. В жизни самой Паулы тоже разворачивается драма: в молодости ей пришлось отказаться от ребёнка, а теперь, спустя двадцать лет, её сына обвиняют в убийстве. Паулу мучает не только чувство вины, но и вопрос, что она может сделать, чтобы спасти сына.

А. М. Олликайнен – псевдоним супругов Аки (р. 1973) и Миллы (р. 1974) Олликайнен. Оба – состоявшиеся писатели: роман Аки Олликайнен «Белый голод» вошёл в лонг-лист Букеровской премии (2016), а Милла Олликайнен – автор трёх детективов, один из которых в 2012 году стал

победителем финского конкурса детективов «Криминал» (Rikos). «Контейнер» – их первый совместный роман, ставший лауреатом того же конкурса в 2019 году. Это первая книга из задуманной авторами серии романов про Паулу Пихлая.

Содержание

Январь	6
Май	13
Часть 1	18
1	18
2	22
3	31
4	35
5	43
6	52
7	60
8	72
9	81
10	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

А. М. Олликайнен

Контейнер

© Aki Ollikainen, Milla Ollikainen and Otava Publishers,
2021

Original edition published by Otava Publishers, 2021

© А. Михайлов, перевод на русский язык, 2023

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление,
2023

Художественное оформление серии Ильи Викторова

* * *

Январь

Утреннее солнце подрагивает в облаке выхлопных газов, окрашивая дома в мутно-жёлтый цвет. Из-за торгового центра появляется неопрятного вида мужчина.

Для столь морозной погоды он одет на удивление легко. На мятом пепельно-сером пиджаке и брюках без стрелок видны большие и маленькие пятна, о происхождении которых лучше не думать. Даже внимательному прохожему не придёт в голову, что этот костюм, который и на переработку-то не отправить, когда-то обошёлся владельцу в четырёхзначную сумму.

Мужчина, пошатываясь, бредёт в рассеивающемся тумане. Он осознаёт, что улица ему незнакома, и больше пока не понимает ничего. Он делает глубокий вдох, вбирая в себя туман, и пространство для мыслей в его голове появляется лишь тогда, когда пар изо рта растворяется в морозном воздухе.

Сперва приходят мысли о том, что неизвестно: где он находится, как сюда попал, долго ли шёл, и вообще – кто он такой. Всё вокруг имеет нечёткие очертания, колышется и плывёт, как если бы фотоаппарат с автоматической настройкой резкости не мог поймать фокус.

Мужчина прислоняется к заиндевавшему окну супермаркета. В нос тут же бьёт тошнотворная смесь запахов – мочи

и перегара. Человек по ту сторону стекла прижимает ладонь к его ладони, но он не узнаёт в этом человеке себя.

У отражения его черты лица, но белки под нависшими веками покраснели, словно кто-то втёр ему в глаза толчёное стекло. На голове – шапка с логотипом банка, разорившегося много лет назад.

Он проснулся на диване в захудалой двухкомнатной квартирке. Из приоткрытой двери доносились звуки – по телевизору говорили что-то о физиологических процессах. На большой кровати спали двое незнакомцев. Это были люди явно не его круга. На кухонном столе среди пустой тары он обнаружил полупустую бутылку водки «Суоми» и, хорошенько приложившись, убрал её в карман пальто.

Из выпивки сначала был кальвадос, потом коньяк ХО и виски «Савой». Впрочем, это было давно – несколько дней или даже недель назад. Протрезвев, он понял, что утратил чувство времени. Судя по щетине, запой длился дней девять.

Рука, которую он прижимает к стеклу, покраснела от холода. Суставы опухли, пальцы не слушаются, несмотря на все усилия. Он вдруг осознал, как сильно замёрз. И это неудивительно: после неудачной попытки помочиться его забрызганное пальто отправилось в мусорный бак.

Мужчина пытается заговорить с прохожими, попросить их о помощи, но вскоре понимает, что речь бессвязна.

Он видит людей на остановке и направляется к ним, но ноги не слушаются, уводят его в сторону, а затем начинают

разъезжаться. В итоге, почти добравшись до навеса, он падает на колени.

Ему протягивают цветы. Их много, они пёстрые, и букет выглядит вульгарным. Мужчину это немного коробит – как-никак вкус у него имеется. И всё же он с улыбкой бормочет слова благодарности девушке в деловом костюме. Кладёт цветы на кафедру, склоняется к микрофону и, глядя на публику, произносит волшебное слово: сострадание.

Люди на остановке расступаются и отводят взгляд. Когда автобус наконец увозит их, в воздухе повисает неслышный вздох облегчения.

«Меня зовут Ханнес Лехмусоя, – вдруг вспоминает мужчина. – Я успешный бизнесмен, известный меценат. Покровитель современного искусства». В этот момент его сфинктер расслабляется и тёплая жижка течёт между ягодич. Благодаря этому удаётся произнести сквозь зубы первое членораздельное слово: «Чёрт!»

На другой стороне улицы Ханнес видит сквер. Собравшись с силами, он поднимается на ноги, сжимает бедра руками и в таком положении начинает переходить дорогу.

Посреди проезжей части Ханнес останавливается. Мысли немного проясняются. Слышен визг тормозов, и в паре метров останавливается грузовик. Ханнес рассматривает шильдик «Вольво» на кабине. «У меня тоже "Вольво"», – думает он, отпуская собственные бёдра, затем выпрямляется и нетвёрдым шагом двигается дальше. За разделительной по-

лосой что-то проносится перед ним – машина, разумеется, это машина, которая чуть не задевает его. Сквозь тонкую рубашку Ханнес чувствует воздушную волну. Водитель грузовика сигналиит. Не удовлетворившись этим, он опускает стекло, высовывается из кабины и орёт. Слов не разобрать. Ханнес плетётся дальше, спотыкается о бордюр, чудом удерживается на ногах, добирается до скамейки и валится на неё.

Сострадание. И ещё одно волшебное слово, по значению родственное состраданию: *солидарность*.

Когда выступаешь, важно сохранять зрительный контакт с аудиторией, адресовать свои слова каждому из слушателей. Это придаёт речи некую интимность. Возникает впечатление, что общаешься не со всеми людьми сразу, а с каждым в отдельности. Объект обращения можно менять, но лучше не делать это слишком часто.

Я часто слышу, что истинная солидарность ощущается только по отношению к определённой группе людей.

Ханнес не любит использовать возвратные глаголы, это проскользнуло случайно. Стилистическая неточность. Он делает паузу и заглядывает слушателю в лицо. Глаза из-под меховой шапки смотрят испуганно. Детские черты. Ребёнок отступает на шаг. Кто-то осторожно трогает Ханнеса за плечо.

– Вы в порядке? Может, вызвать скорую?

Ханнес поднимает руку. Этим жестом он хочет показать публике, что пауза была намеренной, что он не потерял нить

повествования.

– Меня... заберут.

– Вы уверены?

– Надо передохнуть.

Мать с ребёнком уходят своей дорогой. Удаляясь, они оглядываются. Женщина достаёт из сумочки телефон, но тут же убирает обратно.

Ханнес смотрит им вслед. Пауза затягивается, пора продолжить выступление. Кажется, только что было холодно? Теперь нет. Ему хочется остаться здесь. Он должен говорить дальше, презентовать проект «Сострадание», финансируемый фондом, который носит его имя. И ловит новый взгляд из аудитории.

– Чем ограничена солидарность? – спрашивает Ханнес белку в зимней шубке. – Семьёй? Ближним кругом? Заканчивается ли она там, где проходит государственная граница? Касается ли истинная солидарность только тех, кто похож на нас, тех, с кем мы себя отождествляем? Заканчивается ли она там, где начинается море? Нам ли, финнам, не знать из истории, что водоёмы не разделяют, а, напротив, связывают тех, кто живёт вдали друг от друга?

Белка склоняет голову, и Ханнес непроизвольно копирует это движение.

– Не достаточно ли для зарождения сострадания малейшего объединяющего фактора? Все мы – люди, несмотря на национальность, цвет кожи, возраст и пол. Ты и я, мы ведь с

тобой похожи, – говорит он и заглядывает в беличьи тёмные глаза.

Белка вздрагивает, спрыгивает на снег и скачет к покрытой инеем берёзе.

Провожая её взглядом, Ханнес видит узкую тропку, которая проходит мимо дерева. Он поднимается и идёт вслед за белкой. Минует розовый куст, который под слоем снега напоминает кочан цветной капусты.

Ханнесу больше не холодно – напротив, тепло, приятно. Он обожает субэкваториальный климат. Влюбился в него с тех самых пор, как побывал здесь впервые. И, уезжая, всякий раз мечтает вернуться обратно.

Маленькая обезьянка, за которой он устремился, сидит на ветке акации и с любопытством смотрит на него. Ханнес усаживается под кустарником.

Это его дом, здесь душа отдыхает. Синее небо, кучевые облака, родившиеся над южной Атлантикой и теперь медленно плывущие над саванной. Бескрайняя равнина, акации там и сям. Вот было бы здорово увидеть антилопу, которая прогуливается в их тени!

Ханнес глядит на небо. Солнце, которое ещё минуту назад подрагивало в холодной дымке, теперь обрело ясные очертания и стало жёлто-оранжевым. Его свет ослепляет.

Он чувствует: антилопа где-то рядом.

Она приближается.

Он не видит животного, но явственно ощущает его при-

сутствие. Наконец появляется морда антилопы. Она чёрно-белая, и Ханнес обнаруживает, что на ней нет шерсти.

Белое – это кость, и из антилопьего черепа прямо на него смотрят большие чёрные беличьи глаза.

Май

Суд начался наутро после первой, в девять. Но никто в зале не выглядел похмельным.

Весна запаздывала, заставляла себя ждать, и истосковавшийся по ней город становился всё более грустным, даже как будто отчаявшимся. В пасмурные дни стены панельных домов казались хмурыми, словно лицо работяги после разговора с начальством.

Накануне праздника обманчиво светило солнце, а затем пошёл дождь со снегом, отчего дополнительный выходной перестал выглядеть так уж привлекательно. Подобные праздники нравятся чиновникам – по крайней мере тем из них, кто в такие дни вынужден работать.

Молодой констебль у входа в здание суда грел руки в карманах. Дверь была заперта, а единственного фоторепортёра, оказавшегося в зале, попросили выйти. Подсудимый сидел за столом напротив судьи, чьё место располагалось на полуметровом возвышении. Молодой человек склонил голову и натянул на лицо капюшон.

Судьёй была женщина среднего возраста, с лицом таким же строгим, как пучок на её затылке. Человеку в её положении непозволительно демонстрировать сострадание.

Капюшон закрывал лицо подсудимого почти целиком, но по гладкому розовому подбородку можно было догадаться,

что тот весьма юн.

Сюрпризов от процесса никто не ждал. Речь шла о рядовом преступлении, которое вряд ли всколыхнёт общественность. В нём не было ничего шокирующего или исключительного – банальное убийство. Таким обычно не посвящают целый разворот в жёлтой прессе и о них не ведут трансляции в твиттере.

В дальнем углу сидели криминальный корреспондент муниципальной газеты и внештатник вечернего издания. Их лица выражали интерес – но лишь по долгу службы. Приговор будет удостоен максимум двух газетных колонок, а сам процесс затянется не более чем на пару дней.

Подсудимый вины не признавал, но при этом совершенно не помнил событий того дня и никак не мог подтвердить своё алиби. Жертвой оказался мелкий дилер, неоднократно судимый по делам о наркотиках. По словам прокурора, двадцатидесятилетний молодой человек, скрывающий лицо под капюшоном, ударил жертву ножом, чтобы завладеть амфетамином, который позже обнаружили в кармане обвиняемого. Орудие убийства нашли на месте преступления, в квартире жертвы, на нём были отпечатки пальцев обвиняемого. Кроме того, обнаружилась его одежда со следами крови убитого.

Задержание не потребовало спецоперации – убийца лежал без сознания в спальне всё той же квартиры. Истекая кровью в гостиной, дилер успел позвонить в скорую, но скончался до прибытия помощи.

Вдруг подсудимый откинул капюшон – словно что-то заставило его открыть лицо и смириться с решением суда.

У него были глаза ребёнка, который набедокурил и попался, но от стыда не может сознаться, хоть и знает, что взрослым всё известно.

Среди немногочисленной публики никто не был похож на отца, мать или девушку убийцы. А вот бывшая жена убитого в этом зале бывала и раньше – когда тот сидел на месте обвиняемого. Она была девчонкой, которая увлеклась плохим парнем и изо всех сил старалась сберечь подростковую любовь – чтобы дети не оставались без отца. Теперь они уже ходили в школу. Когда перед лицом невозможного её силы иссякли, она пошла более простым путём – стала матерью-одиночкой, однако продолжала общаться с бывшим мужем ради детей.

Теперь отца у них не было. Две недели назад от него осталась лишь могильная плита на краю кладбища.

Рядом с бывшей женой убитого сидела его сестра, женщины держали друг друга за руки. Глаза у обеих были заплаканные. Детей в суд приводить не стали, не было здесь и матери погибшего.

Мать, чей ребёнок убит, всегда легко узнать: скорбь буквально въедается в её плоть, оставляя под глазами тёмные круги, которые не исчезнут уже никогда. У наркоманов тоже бывают близкие, которые остаются скорбеть.

В высокие окна заглянуло солнце, и люстры отбросили те-

ни, похожие на космические корабли. Всё вдруг преобразилось, и люди тоже, словно только и ждали этого света.

В дальнем левом углу зала сидела женщина в больших и, по всей видимости, дешёвых тёмных очках. Она сутулилась, словно стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания. Волосы её тёмного каре выглядели слишком густыми и гладкими, чтобы быть настоящими. Парик тоже казался дешёвым – такие продаются в магазинах для взрослых. Женщина сидела неподвижно и держала голову так, что нельзя было понять, куда она смотрит.

Судья проглядел бумаги и ударил молотком по столу. Молодой прокурор сделал лицо посерьёзнее – скоро ему предстояло выступать.

От резкого звука женщина в парике вздрогнула. Пока покойной судебный фотограф выполнял свою работу, она сидела, закрыв глаза и слушая негромкие щелчки. В зале суда эти щелчки всегда звучат одинаково и похожи на удары, перед которыми подсудимые беззащитны.

Она смотрела сзади на тёмно-серый балахон и склонённую голову, на волосы цвета мокрого песка. Молодой человек держал руки на столе, затем поднял правую и снова натянул капюшон. На мгновение женщина увидела под задравшимся рукавом синеватую татуировку. Но запястье было чистым и гладким.

Заговорил прокурор, и женщина слушала его так, как слушают пастора на похоронах, – не пытаясь ничего запомнить.

Не считая её и человека в капюшоне, в зале находились чужие люди, могильщики, которые делали свою работу, – либо плакальщики, чья доля тоже была по-своему тяжкой. Зал суда выглядел по-фински скромно, но тишина придавала ему некоторую торжественность, и он смахивал на церковный зал. Здесь все говорили степенно, даже если преступление было жестоким, абсурдным или омерзительным. Благодаря этому всё шло своим чередом, зло ненадолго выставлялось на всеобщее обозрение, а затем отправлялось в архив. Человеческие трагедии были здесь лишь бесконечной чередой дел, работой, которую нужно выполнить в срок.

У женщины зудела кожа головы, но почесаться она не решалась. Её собственные волосы, густые и длинные, едва умещались под чёрным париком. Она понимала, что выглядит нелепо, но стремилась исключить малейший риск того, что её узнают. А может, просто хотела превратиться в другого человека, которого все эти невыносимые вещи не касаются.

Как бы то ни было, не прийти сюда она не могла.

Она снова всматривалась в это гладкое запястье, представляла его маленьким и пухлым, думала о том, как прикасалась к нему, тёплому и нежному – именно таким она его запомнила.

С тех пор минул двадцать один год.

Уходя из зала, женщина ощутила, что что-то в ней изменилось.

Часть 1

1

Где я?

Вопрос настиг её на грани сна и яви, до того, как она открыла глаза.

Даже не вопрос, а ощущение – словно ей почти удалось выбросить из головы что-то страшное, но осадок остался.

Стараясь стряхнуть остатки сна, она сделала медленный вдох. Поначалу было абсолютно тихо, но вскоре раздались голоса чаек, одновременно близкие и далёкие, словно доносящиеся из другой реальности. Птиц было едва слышно, и она засомневалась, не галлюцинация ли это.

Она открыла глаза. Внутри шевельнулся страх.

Кругом царила непроницаемая тьма.

Женщина поднесла руку к глазам, пошевелила пальцами и сжала их в надежде увидеть движение и очертания кисти. Подняла голову. Она лежала на каком-то матрасе, подушки не было.

Ей всегда казалось, что в этой стране неестественно светло, но теперь всё было наоборот. Сейчас ночь или день? На какое-то мгновение она испугалась, что ослепла, но вскоре поняла, что видит темноту. Волны тьмы качались перед ней,

словно бездонное море.

А что, если она ещё спит и видит сон о том, что проснулась? Иногда такое случалось: сперва снилось нечто плохое, настолько страшное, что, проснувшись, она думала, что это было на самом деле, — а потом оказывалось, что из одного кошмара она попадала в другой. Всякий раз ужас сменялся окончательным пробуждением, и только тогда она с облегчением понимала, что это был всего лишь сон.

Женщина положила голову на матрас и попыталась подумывать о чём-то хорошем, чтобы отвлечься от этой ситуации, снова провалиться в сон и проснуться в своей постели от солнечных лучей, коснувшихся лица. Но спасительного возвращения не произошло — более того, сосредоточиться на своих мыслях ей тоже не удалось.

Это был не сон, она бодрствовала.

Она тщетно пыталась сфокусировать взгляд хоть на чём-то. Но ни узенькой полоски света под дверью, ни светящихся стрелок будильника, ни индикатора на мобильнике видно не было.

Где телефон?

Женщина осторожно ощупала себя. Она лежала на спине, полностью одетая — блузка, топ, джинсы и тряпочные туфли на босу ногу.

Телефон должен был находиться в сумке, в кожаном мешочке, куда помимо него еле вместились маленький кошелёк и сигареты. Женщина пошарила по матрасу. Он был узкий,

односпальный, и довольно быстро рука соскользнула на пол.

Пол оказался странным, необычно холодным. В сочетании со спёртым воздухом этот холод действовал угнетающе. Она протянула руку и достала до пола с другой стороны матраса. Это был не бетон, как она успела подумать, а скорее металл. Покрытие было неровным.

Сумки не нашлось ни с одной из сторон матраса. Кругом был лишь этот пугающий пол, влажный и скользкий.

Женщина проснулась окончательно. Она ощущала покалывание в груди и ком в горле, глаза никак не могли привыкнуть к темноте, никакие очертания вокруг не проступали. В комнату попросту не проникал свет. Не подвал ли это?

Она попыталась выровнять дыхание и сосредоточиться на воспоминании о последнем событии до пробуждения.

Это была встреча в тенистом уголке парка.

Женщина мысленно перебрала произнесённые слова и показанные фотографии. Она хорошо запомнила их все.

Она вспомнила облегчение и затем – чудовищную усталость.

Благодарность, с которой приняла бутылку воды.

Та оказался полной, но была ли она запечатана?

Нужно было слушаться мать. Когда заходишь слишком далеко, перестаёшь понимать, кто ты есть.

Чувствуешь себя, как астронавт, который в открытом космосе отлетел слишком далеко от корабля.

*Can you hear me, major Tom?*¹

Женщина не понимала, почему ей вспомнились именно эти слова, но песня придала ей сил.

А что, если она зря так перепугалась, лежа в этой темноте? Что, если она упала в обморок и её просто перенесли в спокойное место?

Она попыталась сесть и чуть не потеряла сознание. Из глаз посыпались искры, а в голове затрещало так, словно кто-то затеял там состязание по фехтованию. Дыхание перехватило.

То, что это не обычная головная боль, женщина осознала мгновенно.

Её охватила паника, она, пошатываясь, поднялась, стала размахивать в темноте руками, чтобы удержать равновесие, с трудом сделала пару шагов, и её нога соскользнула с матраса на пол.

Тум.

Она замерла, пытаясь понять, что означает этот гулкий звук.

Топнула по полу сильнее.

Тум.

Тум тум тум.

¹ Как слышно, майор Том? (англ.) – слова из песни Space Oddity Дэвида Боуи. – Прим. пер.

Тум тум тум.

Тум тум тум тум.

В спортзале утихли отзвуки последнего удара, и мяч замер в правой руке Паулы, сложившей пальцы наподобие чаши.

Придерживая мяч левой рукой, она присела, напрягла мускулы, подняла руки, замахнулась и сделала кручёный бросок. Все элементы она выполняла не задумываясь – мышцы давно помнили их наизусть.

Бросок был сделан из-за трёхочковой линии. Мяч прошёл в кольцо, даже не задев его.

– Чисто! – восхищённо воскликнул Медведь, который завязывал шнурки у края площадки.

Остальные опаздывали. Точнее, они считали, что придут вовремя, если успевают дойти до раздевалки.

– Тренировка начинается не в раздевалке, а на площадке, – сказала как-то Паула Хартикайнену.

Он пропустил это мимо ушей, словно несмешную шутку. Было непросто поверить, что этот человек раньше расследовал запутанные экономические преступления.

Впрочем, играл Хартикайнен неплохо, чего нельзя было сказать о других. Паула ещё несколько лет назад отказалась от попыток поставить им технику, да и вообще от того, что-

бы их тренировать. Большинство были мужчинами, и указания бесили их даже больше, чем тот факт, что женщина уде-
ливала их на площадке.

Паула пошла медленным, нарочито тяжёлым баскетболь-
ным шагом и, чередуя руки, повела мяч вокруг себя у
штрафной линии. Стук эхом отдавался в пустом зале без
окон, освещённом люминесцентными лампами, в свете ко-
торых цвета тускнели, а люди становились серыми.

В похожих местах, под разным светом, Паула провела чуть
ли не всю юность. Это были тесные спортзалы обшарпан-
ных провинциальных школ. Во время матчей они сменялись
большими школьными залами, где поначалу было трудно
привыкнуть к площадкам, не ограниченным стенами со всех
сторон.

Солнце сюда не проникало, но уличная жара ощущалась,
даже несмотря на вентиляцию. Такая погода стояла уже ко-
торый день и по прогнозам должна была продлиться все вы-
ходные.

«Жаркий Юханнус² – будет много утопленников», – поду-
мала Паула и приготовилась к новому броску.

Тум тум тум.

Тум тум тум тум.

Семь ударов перед штрафным. Всегда семь. Паула уже не
могла нарушить этот ритуал – так глубоко он вошёл в её
плоть и кровь.

² Праздник летнего солнцестояния. – Прим. ред.

Она присела, сосредоточилась и бросила мяч.

– Гвендолин!

Это был Хартикайнен.

Его возглас раздался прямо в момент броска. Паула чуть дрогнула, и этого оказалось достаточно, чтобы мяч ударился о кольцо и отскочил в сторону.

– Winter is coming³, – произнесла Паула, скрывая раздражение, и обернулась.

Хартикайнен рассмеялся неожиданной реплике.

– Хотелось бы! Сколько можно терпеть жару. Хотя бы здесь получается на минутку укрыться от неё... Уж лучше бы дождь лил до самого отпуска, – сказал он и сделал вид, что стирает пот со лба.

Он давно стал называть Паулу именем актрисы из своего любимого сериала⁴. Паула пыталась смотреть «Игру престолов», но фэнтези ей не нравилось. Она не понимала, как вымышленные миры могут оказаться интереснее реальности. Никакая выдуманная жестокость не могла сравниться с настоящими страданиями.

Вслед за Хартикайненом в зал зашли остальные – сотрудники разных отделов хельсинкской полиции. В этот раз одни мужчины, хотя в группе были женщины помимо Паулы.

Каждого из них Паула знала по имени. Помнила она и об

³ Зима близко (англ.). – Прим. пер.

⁴ Гвендолин Кристи – исполнительница роли Бриенны Тарт в сериале «Игра престолов». – Прим. ред.

их уязвимых местах на площадке – кто-то был проворным, но не умел обращаться с мячом, кто-то всегда лез к корзине, но не мог толком забросить, а у кого-то мяч можно было отобрать, как конфетку у ребёнка.

Последним из раздевалки появился Аки Ренко, и Паула чуть не взвыла.

Мало того что Ренко был никчёмным игроком, так он ещё и болтал не закрывая рта. Особенно раздражало то, что не умолкал он и на площадке. И вот теперь он направился напрямиком к ней.

Паула повернулась за мячом, но её опередили. Мяч пролетел у неё над головой и оказался в другом конце зала, у Хартикайнена, который тут же забросил трёхочковый.

– Молодец, Хартсу! – крикнула Паула.

– Отличный бросок! – похвалил Хартикайнена и Ренко. – А вот у меня трёхочковый не выходит.

– Всё ещё впереди.

– Может, подучишь меня?

– Может.

– Мы ведь теперь напарники.

– Ага, – рассеянно ответила Паула. – В смысле?

– Мы дежури́м на Юханнус.

– Мы с тобой?

– Именно.

Паула охотно согласилась выйти на работу в праздник – только что она вернулась из двухмесячного отпуска. Но шеф,

прося её об этом, ни словом не обмолвился о Ренко.

Ренко понял, что для Паулы эта новость не из приятных. Но его это совершенно не смутило, да и Паула сделала максимально добродушное лицо.

– Прекрасно, увидимся на работе, – сказала она и пошла за мячом.

– Это временно, – крикнул ей вдогонку Ренко. – Просто людей не хватает.

Это Паула поняла и так – они с Ренко работали в разных отделах и ранее в расследованиях не пересекались.

– Да и вряд ли на Юханнус что-нибудь случится, – добавил Ренко. – Погода, правда, ожидается хорошая, у патрульных будет работёнка, но кто будет затевать убийство по такой жаре...

«Уж не воображает ли Ренко, что я отвечу ему затылком?» – подумала Паула.

Она вспотела – в зале было жарко и, похоже, кондиционер всё-таки не работал. Паула взяла мяч и развернулась. Ренко стоял перед ней и широко улыбался.

– Чёрные против остальных! – крикнула Паула через голову Ренко.

Пятеро были в чёрных футболках и ещё пятеро – в разноцветных, так что такое решение напрашивалось само собой. Более того, на Пауле была чёрная футболка, а на Ренко – голубая.

– Четыре на четыре, по одному в запасе, – объявила Паула,

и Ренко не спеша направился к скамейке.

– Отлично, – произвольно произнесла Паула. – Отлично, погнали! Чёрные на той половине. Определитесь, кто кого опекает. Медведя беру на себя.

Полицейский с этим прозвищем входил в одноимённую группу быстрого реагирования, когда начал заниматься баскетболом с Паулой. Потом он перешёл в убойный отдел, и Хартикайнен тут же окрестил его Медведем.

Пауле он нравился, и в его переводе частично была её заслуга.

Почти двухметровый Медведь был сантиметров на десять выше Паулы и умудрялся выглядеть ещё более рослым. Движения этого большого человека всегда были плавными. На подборках он запаздывал, но в решающие моменты мяч всегда оказывался у него в руках.

Паула была довольна, что Медведь в другой команде. Это вносило в игру некоторую интригу и позволяло искренне радоваться успехам.

Хартикайнен бросил мяч Пауле. Та шагнула к лицевой линии, вернула пас, и Хартикайнен поднял мяч над головой. Паула бросилась бежать, миновала его и оказалась под щитом. Пас Хартикайнена оказался точным, оставалось лишь положить мяч в корзину.

– Спасибо! – крикнула она и вернулась в оборону.

Медведь быстро перекинул мяч через центральную линию, Паула побежала навстречу. Медведь отдал пас на

фланг, а сам рванул в другую сторону. Паула бросилась вдогонку, не сводя взгляда с мяча и пытаясь предугадать движения Медведя.

Она знала, как работает её тело. Прекрасная мышечная память развилась у неё ещё с тех времён, как она вдруг резко вытянулась, а потом привыкла к своей фигуре, распрямилась, расправила руки-ноги, перестала в компании девчонок стесняться непомерного роста и стала воспринимать тело сильным и действительно принадлежащим ей. Она больше не испытывала неловкости во время игры, не задумывалась о том, как выглядит, и вообще забывала обо всём на свете. У Паулы до сих пор оставалась острая потребность в занятиях баскетболом, хоть в юности она и оставила спортивную карьеру.

Медведь попытался обойти её и сделал обманное движение, но споткнулся, пошатнулся и едва не упал, скорчив гримасу. Мяч отскочил от стены.

– Замена! – крикнул он и, прихрамывая, пошёл к скамейке.

Его место занял Ренко – и теперь им с Паулой, очевидно, предстояло опекать друг друга. По крайней мере Ренко встал напротив неё именно с таким видом. Однако он даже не пошевелился, чтобы перехватить передачу от Хартикайнена, и без борьбы отступил за центральную линию. Ренко полагал, что игра начинается в зоне защиты и считал невежливыми попытки помешать сопернику добраться до неё.

Паула стучала мячом об пол, а Ренко стоял в полутора метрах и размахивал руками, словно изображая дерево на ветру.

Паула была прирождённым лидером. Ей не требовалось кричать на игроков – они повиновались малейшим её жестам. Она шла к этому ещё со времён юношеских игр и к своему удивлению и радости впоследствии обнаружила, что её метод работает и среди копов – любителей баскетбола.

Хартикайнен перестал опекать защитника и поставил заслон на пути Ренко. Паула прорвалась и сделала передачу под кольцо младшему констеблю, но его бросок оказался неудачным. Впрочем, констебль оказался первым на подборе и вернул мяч Пауле.

Перед ней вновь возник Ренко, чья фигура теперь напоминала дрожащий куст. Паула стала приближаться к кольцу сделала ложный рывок вправо и попыталась обойти Ренко слева. Но тот не среагировал на уловку и двинулся в правильном направлении, выбив мяч из рук Паулы. Удар, как и следовало ожидать, пришёлся по пальцам. Хартикайнен завопил, сигнализируя о фоле, и Ренко покорно поднял руку.

Паулу это раздосадовало – она хотела продолжить игру. Травма была пустячная, да и жёсткая игра на грани фولا была ей по нраву. Даже хотелось признаться Ренко, что тот её удивил.

Когда Ренко подхватил мяч, Паула умышленно предоставила пространство для манёвра. Ренко тут же отдал пас,

словно стремясь избежать ситуации, в которой придётся быстро принимать решение и действовать самому. Но буквально через секунду мяч снова оказался у него в руках, и Ренко застыл в районе линии штрафных, не находя возможности для передачи.

Когда он сделал бросок, на его лице Паула увидела растерянность: мяч попал в щит и отскочил прямо в кольцо. Ренко вскрикнул.

Паула улыбнулась. Она вспомнила, каково это – когда эндорфины превращают душу и тело в единое целое.

Когда физическое напряжение становится удовольствием. Но больше всего она любила момент, когда в важном матче можно наблюдать результат своего удачного броска. Он всегда сопровождался покалыванием внизу живота.

Правда, с возрастом это ощущение приходило к ней всё реже и становилось похожим на призрачное эхо былых эмоций.

Женщина закричала. Её крик отозвался эхом в темноте и затих, многократно отразившись от невидимых стен.

Она сделала пару шагов, осторожно, не желая снова услышать гулкий звук. Протянула руку и коснулась стены.

Сперва женщина почувствовала облегчение: комната обрела размер, тьма вокруг имела предел. Однако, ощупывая стену, она снова ощутила прилив страха.

Стена оказалась такой же, как пол, – металлической.

Она пошла, держась за стену, и вскоре достигла угла. Повернула, двинулась дальше и упёрлась в следующий угол через каких-то пять шагов. Ещё один поворот. Теперь она двигалась быстрее – где-то должна быть дверь, сейчас она выберется из этого странного места, и всё прояснится.

Угол, поворот направо, после чего почти сразу же под пальцами оказалась щель в стене.

Она провела рукой по этой щели вверх и вниз, затем стала шарить по стене. Ни дверной ручки, ничего. Двинулась дальше – может, дверь всё же окажется с противоположной стороны. Она вдумчиво исследовала поверхность обеими руками, стараясь охватить как можно большую площадь. Металл был гофрированным.

Рука снова коснулась щели. Женщина поводила рукой вокруг неё и убедилась, что обошла комнату целиком, и это

была та же самая щель, что и раньше. Никакой возможности открыть дверь по-прежнему не обнаруживалось. Она попыталась найти всему этому хоть какое-то разумное объяснение.

Гулкий пол.

Гофрированные стены.

Дверь, которая не открывается изнутри.

Дверь, которая не открывается вовсе.

Разве это не опасно – запирать человека в помещении, которое нельзя открыть изнутри? Кто мог это сделать?

Если станет жарко, она умрёт от жажды. Как оставленный в машине ребёнок, собака или...

Или как запертые в грузовом контейнере беженцы.

Эта мысль казалась настолько невероятной, что на её осознание потребовалось время.

Я в контейнере.

Её заперли в металлическом ящике.

Женщина осторожно отступила от стены. Нашупала матрас и опустилась на него, чтобы унять панику и собраться с мыслями.

Here am I sitting in a tin can⁵.

Не похищение ли это? Что, если кто-то привёз её в другую страну и продал в сексуальное рабство? Что, если её будут держать взаперти, а потом убьют?

⁵ Вот я сижу в консервной банке (англ.) – слова из песни Space Oddity Дэвида Боуи. – Прим. пер.

Кровь застучала в голове, к горлу подступила тошнота. Мозг тщетно пытался придумать какое-то более оптимистичное объяснение происходящего.

Вдруг что-то ударило в стену снаружи.

Женщина вскочила и прислушалась. Ещё удар – на этот раз ближе к двери.

Если это похититель, нужно вести себя как можно тише, встать в углу у двери и дожидаться, когда она откроется. Но вдруг это кто-то ещё? Вдруг она находится в порту в окружении сотен контейнеров и это единственный шанс выйти на свободу?

Желание выбраться становилось невыносимым, оно уже победило здравый смысл. Она стала колотить в стену и кричать, это был вопль без слов, ей просто хотелось наружу, на свет.

Увидеть солнце – то самое, которое в её родной стране светило иначе, чем здесь.

На фоне собственного крика она расслышала скрежет, раздавшийся откуда-то снизу. Затем внутрь контейнера проник свет. Женщина двинулась к нему на ощупь. В нижнем углу появилось отверстие. Она опустилась на колени и заглянула в него. Отверстие было маленьким и круглым, она приблизила к нему лицо – свет хоть и слепил глаза, но он же сулил и безумную надежду. Она закричала снова, на этот раз членораздельно: «Здесь человек! Human⁶! Откройте! Я хочу

⁶ Человек (англ.). – Прим. пер.

наружу! Здесь человек!»

Вдруг свет снова пропал, отверстие закрыли с той стороны. Женщина снова не могла ничего разглядеть и пыталась отыскать его на ощупь. Пальцы наткнулись на металлическое кольцо, которое просунули внутрь.

Это был конец шланга, и в тот момент, когда она осознала это, из него хлынула вода.

Она вскрикнула, отпрянула и присела от страха. Вода тут же залила весь пол, обувь, и брюки женщины промокли насквозь.

Вода была холодной. И она всё прибывала. Женщина чувствовала, как потоки охватили её бёдра.

Было ясно лишь одно: очень скоро ей предстоит умереть. Контейнер наполнится водой, и она погибнет.

Её мёртвое тело будет плавать в контейнере, словно угодившая в садок крыса.

Она больше никогда не увидит солнца.

И маму.

And I'm floating in a most peculiar way. And the stars look very different today⁷.

⁷ И я странным образом плыву. / И звёзды сегодня светят совсем иначе (англ.). – слова из песни Space Oddity Дэвида Боуи. – Прим. пер.

Солнце давило на город. Люди двигались медленно, жара словно пригибала их к земле.

Аки Ренко стоял на автобусной остановке, одетый в джинсовые шорты, кроссовки и чёрную футболку с надписью System Of A Down.

Взъерошенные волосы и тёмные очки делали его похожим скорее на простого парня, нежели на полицейского.

– Ездил на концерт? – поинтересовалась Паула, когда Ренко запрыгнул в машину, едва она остановилась.

– В Париккала вчера был побит температурный рекорд, – ответил Ренко.

Разгоняясь, Паула растянула рот в улыбке, хотя на самом деле неформальный вид напарника был ей не так уж интересен. Она заметила, что Ренко оценивающе разглядывает её – вероятно, размышляя, как следует отнестись к её реплике. Паула решила не подавать виду, что уловила взгляд, и невозмутимо сосредоточилась на дороге. С такими, как Ренко, нужно всегда быть начеку, иначе они начинают допускать вольности и переходить в рабочих отношениях границы дозволенного.

– Когда ты позвонила, я был с супругой в магазине. Тебе пришлось бы ждать, если бы я пошёл переодеваться. Что лучше: не тот внешний вид – или если бы я опоздал?

Вопрос прозвучал столь бесхитростно, что Паула решила быть снисходительной.

– Лучше быть вовремя, – ответила она.

Ренко расслабился, поднял очки на лоб и вытянул ноги.

– Отличный у тебя «Сааб», таких больше не делают. Жаль, шведы продали компанию в Китай. Впрочем, ничего не имею против китайцев. Скорее, против шведов. Это ведь модель 9–5 второго поколения?

– Ему больше десяти лет, – сказала Паула, не зная ответа на этот вопрос.

Машины никогда её не интересовали – настолько, что она и не думала купить более новую. Отец отдал ей свой «Сааб» за какие-то смешные деньги, когда в очередной раз развёлся и стал жить один.

– Чем тебе шведы не угодили? – спросила Паула.

– Матс Сундин забил нашим на последней минуте⁸. Первая хоккейная трансляция, которую я помню. Отец рыдал так, что я не на шутку испугался.

Паула усмехнулась. Они с отцом тоже смотрели ту игру – правда, он до самого конца сомневался в победе. «Я же говорил!» А плакал он годы спустя, когда финны всё-таки выиграли.

Праздничные пробки уже рассосались. Паула резко пере-

⁸ Матс Сундин (р. 1971) – шведский хоккеист, который 20 апреля 1991 года на последней минуте матча чемпионата мира забил две шайбы в ворота сборной Финляндии и сравнял счёт. – Прим. пер.

строилась через две полосы и повернула на кольцевую дорогу в западном направлении.

– Тело обнаружено по адресу фонда «Лехмус»⁹. Знаешь такой? – спросила Паула.

– Впервые слышу.

– Погугли.

Ренко достал телефон и открыл браузер.

– «Лехмус» – некоммерческая организация бла-бла-бла, – стал читать он. – Выдаёт гранты деятелям искусства, а также финансирует исследования в развивающихся странах и международные программы сотрудничества. Воплощает собственные художественные и общественно значимые проекты. Мы хотим сделать мир лучше бла-бла-бла...

– А можешь читать вместе со всеми бла-бла-бла? – перебила Паула.

– Окей, сорри. Мы хотим сделать мир лучше, привлекая внимание к проблемам развивающихся стран и причинам этих проблем, а также участвуя в их решении. Развивающихся стран, – медленно повторил Ренко. – Никогда не понимал этого выражения. Ведь это не просто означает, что они остальные, но ещё и предписывает...

– Кто учредители? – нетерпеливо спросила Паула.

– Один момент, смотрю... Председатель правления Май Ринне, заместитель Элина Лехмусоя...

– Лехмусоя? Эту фамилию я где-то слышала, – припом-

⁹ Lehmus в переводе с финского означает «липа». – Прим. пер.

нила Паула.

– Фонд «Лехмус» учредил в 2000 году Ханнес Лехмусоя, чтобы направить часть прибыли концерна «Лехмус» на общественно полезные начинания, – прочитал Ренко.

– Лехмусоя, концерн «Лехмус», фонд «Лехмус», – перечислила Паула. – Похоже на семейное предприятие.

– Так и есть, исполнительный директор у них сейчас Юхана Лехмусоя. Похоже, сын Ханнеса.

– Чем занимается концерн?

– *Тут есть ссылка... Пишут, строительством и инфраструктурой.*

– Инфраструктурой...

– Да. И почему у этого слова нет финского синонима? Финну не так-то просто произнести «инфраструктура». Хотя как вообще подобрать слово для обозначения всего, по чему и с помощью чего всё на свете перемещается куда угодно: машины, люди, сточные воды, информация, энергия, поезда, корабли, трейлеры, продовольствие, товары... и ещё социальная инфраструктура...

– Короче, инфраструктура. Пора поворачивать налево? – прервала Паула монолог Ренко.

Свернув с кольца, она оказалась на ухоженной, но очень узкой дороге, петлявшей в полях под солнцем. Резкий поворот – и машина нырнула в тень лиственного леса. Они чуть не проскочили перекрёсток, где пора было сворачивать к резиденции фонда «Лехмус».

Неподалёку от перекрёстка стоял грузовик с пустой платформой. Он занимал почти всю полосу, и чтобы обогнуть его, нужно было выехать на встречную полосу без возможности увидеть, не едет ли кто в противоположную сторону.

– Запиши номер, – сказала Паула уткнувшемуся в смартфон Ренко.

Тот встрепнулся, подался вперёд, рассматривая номер, и затем повторял его вслух, пока не вбил в телефон.

– Липы! – рассмеялся Ренко, когда они свернули на грунтовку.

Дорогу окаймляли старые деревья с бугристыми стволами.

– Ты уверен?

– В чём?

– Что это липы.

– Более чем, – ответил Ренко и прильнул к лобовому стеклу. – Их лучше обходить стороной, с них тля гадит.

– Ужас какой, – усмехнулась Паула.

– Эти такие старые, что вряд ли их посадил патрон. Думаю, липы появились здесь до семейства Лехмусоя.

За очередным поворотом открылась короткая прямая дорога к резиденции. В конце виднелся огромный деревянный белый дом, справа от которого блестело море. Липы заканчивались у металлических ворот, и дальше дорога шла через ухоженный сад к главному входу, огибая клумбу.

Перед закрытыми воротами возвышался синий сверкаю-

щий на солнце контейнер для морских перевозок. Возле него стоял полицейский фургон, а на площадке рядом – красный двухместный кабриолет и внушительный чёрный внедорожник.

Паула остановилась у фургона.

– Говорить буду я, – предупредила она Ренко, прежде чем открыть дверь.

Под крайней липой стояли двое полицейских в форменных рубашках и мужчина лет шестидесяти, одетый в синий комбинезон.

– Клуб любителей тлиных какашек, – пробормотал Ренко у Паулы за спиной.

Из-за этого Паула не смогла сдержать улыбку, здороваясь с молодыми полицейскими и человеком в комбинезоне, назвавшимся управляющим недвижимостью фонда «Лехмус». Его вызвали по телефону в десять утра – когда семейство Лехмусоя приехало, чтобы отметить Юханнус.

Юхана Лехмусоя увидел принадлежащий фонду контейнер и попросил управляющего убрать его как можно скорее.

– Так вот, в контейнере труп, – пояснил один из полицейских и заверил, что они ничего не трогали.

Внутри контейнера помимо управляющего побывали только медики, которые констатировали, что реанимация уже не поможет.

– Я увидел, что оттуда капает, и открыл дверь. Не думал, что он полон воды, – поспешно произнёс управляющий.

– Полон воды, – медленно повторил Ренко. – С чего бы?

Комбинезон управляющего был мокрым по пояс. Паула подняла руку, призывая всех умолкнуть и дать ей сосредоточиться.

– Это ваша машина там, у перекрёстка? – спросила она управляющего.

– Моя. Точнее, лехмусовская.

– Ясно. Отдайте ему ключи, – Паула кивнула на одного из полицейских. – А вы уберите грузовик с дороги и возвращайтесь. Вы, – обратилась она ко второму, – огородите пятиметровый радиус вокруг контейнера. Лехмусоя здесь? – на этот вопрос управляющий утвердительно склонил голову.

– Думаю, они на берегу. И вряд ли знают о трупe.

– Тем лучше. Скоро вам придётся рассказать всю эту историю с самого начала. Ренко, – она жестом попросила напарника отвести управляющего подальше, после чего достала из машины фонарик и осторожно приблизилась к дверям контейнера.

Дорога перед ним была мокрой до самых ворот, а за ними, у лужайки, образовалась лужа размером с небольшой бассейн.

Одна из створок оказалась заперта на задвижку. Паула заглянула в открытую, стараясь ни к чему не притрагиваться.

В глубине контейнера лежало тело. Очевидно, медики перевернули его на спину. Паула включила фонарик и направила на труп.

Женщина была одета по-летнему легко. Никаких вещей при ней не оказалось – посреди контейнера лежал лишь промокший матрас.

Отступив от двери, Паула окинула взглядом резиденцию, купавшуюся в лучах полуденного солнца. Вкупе с садовыми дорожками и круглой клумбой она напоминала старинное поместье: воображение дорисовывало выстроившуюся у входа прислугу в ожидании господской кареты.

А вот сверкающий контейнер у ворот можно было принять за космический корабль, на котором прибыл инопланетный гость.

Управляющий сидел на пассажирском сиденье «Сааба», а Ренко стоял, опершись на открытую дверь.

– Значит, Лехмусоя купили усадьбу в 2000 году, когда основали фонд, – произнёс он и выпрямился, заметив, что Паула смотрит на него.

– Я присматриваю за этим местом с самого начала, – ответил управляющий и вылез из машины.

– Стало быть, вам позвонили сегодня утром, – сказала Паула и жестом показала Ренко, чтобы делал заметки в телефоне.

– Да, около десяти. Точнее не припомню, но сюда я приехал без четверти одиннадцать. Потребовалось некоторое время, чтобы взять в конторе грузовик.

– А позвонил вам Юхана Лехмусоя?

– Разумеется. Он был... скажем так, расстроен.

– Из-за контейнера?

– Да. Ясное дело, контейнеру здесь не место. Однако он всё-таки наш. Изначально «Лехмус» сдавал контейнеры в аренду, а сейчас это лишь один из бизнесов. Контейнеры пронумерованы, так что...

– Я в курсе, – перебила его Паула. – Что сказал Лехмусоя?

– Просто сообщил, что здесь какой-то... грёбанный контейнер. Так он выразился – грёбанный контейнер, который нуж-

но срочно убрать. И ещё спросил, не знаю ли я, как он тут очутился.

– Он заглядывал внутрь?

– Он не смог открыть дверь и подумал, что она заперта. На самом деле просто заклинило задвижку. Я тоже сначала подумал, что не справлюсь с ней.

– А зачем вы стали открывать дверь?

Управляющий не на шутку удивился, и Паула смягчила вопрос улыбкой.

– Должен же я знать, пустой он или нет, прежде чем грузить. К тому же это наш контейнер.

– Был ли здесь ещё кто-то в тот момент?

– К счастью, нет. Больше никто не промок, – сказал управляющий с виноватой улыбкой и перевёл взгляд со своих штанов на сиденье «Сааба», по которому расползалось тёмное пятно.

На это Паула лишь махнула рукой. Мокрое кресло было проблемой пассажира – в данном случае Ренко.

– Вы открыли дверь, и из контейнера хлынула вода. А что потом?

– Я сразу попытался закрыть створку, но ничего не вышло. А потом внутри загромыhalo. Думаю, это был труп, который, по всей видимости, стал ударяться о стены.

Управляющий умолк. Палец Ренко, постукивавший по экрану смартфона, остановился. Какое-то время все молчали, как будто сговорились.

Получается, каким-то образом женщина оказалась в принадлежащем «Лехмусу» контейнере, и тот был доставлен к воротам. Матрас наталкивал на мысль, что она уже какое-то время находилась внутри – до того, как контейнер наполнился водой. Возможно, её даже чем-то накачали, прежде чем запереть.

– Кстати, вода была морская – я успел изрядно наглотаться, – добавил управляющий.

– Когда вы были здесь в последний раз? – спросила Паула.

– Вчера утром приезжал подстричь лужайку – узнав, что сюда собираются Лехмусоя. Заодно проверил все помещения. Тут никого не было, и ничего необычного я не заметил.

– Вы прикасались к телу?

– Нет, но подходил. Разумеется, сразу было понятно, что она мертва, – управляющий словно оправдывался, хотя необходимости в этом не было.

Он позвонил в службу спасения. Полиция и скорая были на месте уже через десять минут.

– И вы ничего не сказали хозяевам? – удивился Ренко, показав на резиденцию.

Паула, в свою очередь, удивилась, как это он так долго держал рот закрытым.

Управляющий сконфуженно признался, что не хотел омрачать для Лехмусоя празднование Юханнуса.

– К тому же я решил, что сперва надо взять насос и откачать воду, пока она не растеклась дальше по лужайке.

Паула не сдержала усмешки, хотя управляющий всего лишь думал о своих обязанностях – как и она о своих.

– Кроме полиции здесь никто ничего не должен делать. Мы осмотрим территорию, – сказала Паула, и эти слова явно ужаснули управляющего.

Вернулся констебль, которого послали переставить грузовик. Паула попросила Ренко сопроводить управляющего к полицейскому, чтобы тот вернул ключи и рассказал, где машина.

– Так я свободен?

– Да. Но оставайтесь в пределах доступности – у вас возьмут образец ДНК и отпечатки пальцев. Прошу вас никому не рассказывать о случившемся – ни журналистам, ни даже Лехмусоя. Это сделаем мы.

Управляющий печально кивнул и поплёлся за Ренко.

Второй констебль натянул вокруг контейнера сигнальную ленту, привязав её к липам. Паула попросила его переставить фургон на обочину главной дороги.

– Компанию на берегу надо выставить отсюда как можно быстрее. Вы с напарником проследите, чтобы сюда пропустили только судмедэксперта и следственную группу.

– А вот и медик, – ответил констебль.

Ренко с управляющим посторонились, укрывшись под деревьями: по дороге медленно, словно катафалк, ехал чёрный «Мерседес». Паула показала водителю на парковку рядом с машинами Лехмусоя.

– Точно надо надевать комбинезон? – спросил Ренко, который бегом вернулся от перекрёстка и запыхался.

Паула кивнула и открыла багажник машины. Она и сама с радостью работала бы в шортах или даже бикини. Именно сейчас, в самую жару, оставаться в защите будет особенно тяжело.

До них возле контейнера уже успели побывать как минимум управляющий, двое полицейских, врачи скорой, а ещё раньше – гости в неизвестном количестве, приехавшие отмечать Юханнус. Более того – управляющий и врачи заходили внутрь. Грязные следы могли остаться на полу контейнера только после того, как из него вылилась вода, – и следы эти, по всей видимости, принадлежали медикам. Как бы то ни было, отпечатки уже были частично затоптаны.

Облачившись в спецодежду, Паула и Ренко обошли контейнер снаружи. Он был совершенно чистым и выглядел так, как будто его только что покрасили. Ничего интересного не обнаружилось, если не считать того, что в самом низу закрытой створки оказалось нечто вроде клапана, через который, очевидно, внутрь контейнера закачали воду. Рядом на земле виднелись следы – словно здесь что-то волокли.

– Совершенно нелогично, – сказал Ренко. – Невероятно сложный способ лишить человека жизни. Зачем кто-то так заморочился?

Паула бросила взгляд на сверкающую морскую гладь между резиденцией и лесом. До берега было метров сто или, мо-

жет, чуть больше. Воду в контейнер, по всей видимости, взяли из моря – иначе никак. Но и в этом случае требовался очень длинный шланг – даже если преступник или преступники протянули его прямиком от берега, через сад и лужайку.

В это время из-за дома появились двое мужчин – высокий и пониже. Белые футболки и шорты делали их похожими на теннисистов. Оба резко остановились, затем тот, что пониже, вскрикнул и бросился к контейнеру.

Паула шагнула навстречу. Несмотря на решимость мужчины, она почувствовала, что он тут не главный.

Сначала в пекло принято бросать тех, кто младше по званию.

Человека звали Лаури Аро – он протянул руку ещё на бегу, но отдёргнул её, поняв, что Паула в перчатках и не собирается с ним ручкаться. Он поспешил представиться, а затем путано заговорил о затопленной лужайке и о том, чем это чревато.

В числе прочего он очень хотел знать, что произошло, кто такая Паула, кто за всё это ответит, зачем приехали полицейские, где управляющий и почему контейнер, несмотря на распоряжения, всё ещё здесь.

Паула выслушала его, не сводя глаз с высокого мужчины, который спокойно стоял в отдалении, даже не пытаясь подойти и представиться. На нём были непроницаемо чёрные солнечные очки, и казалось, что он разглядывает лужу, но

Паула не сомневалась, что мужчина смотрит прямо на неё.

– Я детектив Паула Пихлая, – сказала она, когда Аро наконец предоставил ей такую возможность. – Это место преступления, так что прошу вас отойти.

Лаури Аро открыл было рот, но тут же закрыл, рассмотрев внимательнее сначала Паулу, а затем и Ренко. Только сейчас он стал догадываться, что означали их белые комбинезоны.

Высокий тоже перестал делать вид, что разглядывает лужайку, снял очки и прицепил их к воротнику футболки. Аро подошёл к нему и стал о чём-то говорить, после чего обернулся и напустил на себя важность в ожидании, что детектив подойдёт к ним сама.

У Паулы появилось ощущение, будто бы только что её возвели в министры из дворников.

– Это управляющий директор концерна «Лехмус» Юхана Лехмусоя, – сказал Аро, когда она приблизилась. – А я, как уже говорил, Лаури Аро, юрист «Лехмуса» и советник фонда.

Юхана Лехмусоя оценивающе разглядывал Паулу.

Высоким мужчинам встреча с Паулой давалась труднее, чем тем, кто пониже. Последние просто сторонились её в виду роста. А вот высокие привыкли смотреть на женщин сверху вниз, и даже сторонники равноправия полов терялись, когда женщина оказывалась одного роста с ними.

Не стал исключением и Юхана. На долю секунды на его лице появилась растерянная улыбка, но затем он тут же по-

серьёзней.

Как подобает современному боссу, он производил впечатление человека, тщательно следящего за внешностью: подтянутый живот, свежая стрижка.

В хорошей форме, но не выносливый, – решила Паула. Явно играет в теннис, а раньше мог увлекаться единоборствами.

– Что здесь, собственно, происходит? – голос у него был приятный, бархатный.

– К сожалению, этого мы пока сказать не можем. Кто находится в резиденции помимо вас?

– Моя жена Элина, дочь Эллы, а также председатель фонда «Лехмус» Май Ринне. Вечером должны приехать мои мать и сын.

– Скажите, чтобы не приезжали, да и вам тоже вскоре придётся удалиться. Попрошу немного подождать – вас позовут. Будьте любезны, обойдите здание с другой стороны. Старший констебль Аки Ренко проводит вас, – сказала Паула.

Ренко сухо поздоровался с мужчинами. Очевидно, изучение контейнера импонировало ему больше, чем роль пастуха.

– Поговори с каждым с глазу на глаз: где они находились начиная со вчерашнего утра, когда контейнера здесь ещё не было. Начни с женщин, – тихо велела Паула, когда Лехмусоя и Аро отвернулись. – Не хочу, чтобы они что-то обсуждали без присмотра, когда узнают о трупке.

– А из этих фараонов никто не может сходить? – поморщился Ренко. – Я уже в комбезе...

– Фараонов? Ты перечитал комиксов. Я хочу, чтобы все лишние убрались отсюда как можно быстрее, это ускорит дело. Если позволят, сними разговор на видео.

И скажи, чтобы держались подальше от берега, его тоже надо осмотреть.

Ренко молча проследовал за Лехмусоя и Аро. Пауле было тревожно отправлять его одного, но, с другой стороны, вряд ли кто-то из руководства фонда или концерна стал бы загромождать дорогу к собственной резиденции контейнером с трупом. Вряд ли кто-то из них прольёт свет на произошедшее.

При этом следовало помнить, что контейнер принадлежал компании. Хотя это могло быть и совпадение, раз фирма сдавала их в аренду. Случайно он оказался здесь или преднамеренно – в любом случае Юхана Лехмусоя мог поведать, как это можно было осуществить.

Привезли женщину уже в контейнере – или доставили отдельно и заперли позже?

Со стороны перекрёстка появились две полицейские машины без опознавательных знаков: значит, несмотря на канун праздника техническая экспертиза начнётся без проволочек.

Паула надела респиратор, зажгла фонарик и шагнула в контейнер.

На вид темнокожей длинноволосой женщине было лет тридцать. Волосы собраны в пучок на затылке. Если она и была накрашена, то потом макияж смыло.

Мокрая одежда выглядела простой, но опрятной, белые текстильные туфли казались новыми. Ни украшений, ни обручального кольца не было.

Судмедэксперт закончил быстро. Он даже не стал переворачивать тело – более детальный осмотр предстоял уже в морге. На данный момент было ясно, что признаки насильственной смерти отсутствуют. Женщина скончалась не менее шести часов назад, и причина этого – утопление.

Похоже, либо её поместили в контейнер в одурманенном состоянии, либо угрожали оружием – следов физического принуждения или борьбы на теле не наблюдалось.

– Однако взгляни на ногти, – сказал медик.

Паула присела на корточки и осторожно взяла женщину за руку. Ногти были длинные, покрытые бирюзовым лаком. Но то было раньше: теперь на всех пальцах, кроме большого, они оказались сломаны.

А на одном указательном пальце ногтя не было вовсе.

Паулу передёрнуло. Она, конечно, привыкла к трупам, но мысль о вырванном ногте ужаснула даже её.

Сломанные ногти, в свою очередь, означали кое-что более

ужасное.

– Когда закачивали воду, она была в сознании – или, по крайней мере, очнулась в тот момент, – тихо произнесла Паула.

Судмедэксперт усмехнулся и собрался уходить. Это был пожилой человек, дотошный в работе, но живущий как будто в пузыре. Возможно, так он дистанцировался от мертвецов, но в то же время отдалялся и от живых.

– Её нужно опознать как можно скорее, – сказала Паула, и медик кивнул в знак понимания.

– Завтра проведу вскрытие.

Паула проводила его до двери, за которой уже ждали двое технических экспертов – мужчина и женщина – в полном снаряжении. Она попросила запереть створку и открыть лишь тогда, когда она постучит. Не задавая лишних вопросов, мужчина закрыл дверь. Он понимал, что Паула хотела осмотреть место преступления первой и в одиночестве, чтобы затем сосредоточиться на этих наблюдениях.

Паула включила фонарик и дождалась, пока лязгнет задвижка.

Она начала осмотр с отверстия в нижнем углу, через которое внутрь контейнера закачали воду. В диаметре оно было сантиметром пятнадцать. Металлическое кольцо с внутренней стороны блеснуло в свете фонарика – оно выглядело новее, чем всё остальное. Подобных конструкций в обычных контейнерах Паула раньше не встречала.

Свет скользил по стене и полу вокруг отверстия. Если женщина и пыталась в панике закупорить его чем-то, то никаких следов этого не осталось. По всей видимости, вода поступала под таким напором, что её было просто не остановить.

Паула перевела луч фонаря на стены, но в передней части контейнера больше ничего необычного не обнаружилось. Обойдя матрас, она посветила на пол рядом с телом, на стены вокруг и на крышу – но все поверхности были чистыми.

Матрас, оказавшийся после слива воды посреди контейнера, выглядел неказистым. Полосатое покрывало было аккуратным, но коротким: матрас торчал из-под него с обеих сторон. Такие импровизированные постели обычно можно найти на заброшенных складах и чердаках многоэтажек. Пол вокруг по-прежнему был сырым, сам матрас явно оставался на плаву, но впитал воду.

Паула подтолкнула матрас ногой к стене и осветила оставшуюся после него лужу. На дне обнаружился бирюзовый ноготь.

У неё внутри снова всё сжалось. Ноготь был вырван целиком и напоминал накладной, однако судя по остальным пальцам, ногти у жертвы были настоящими.

Паула погасила фонарик, и наступила жутковатая тьма. Световое пятно продолжало плясать перед глазами – с таким же успехом она могла зажмуриться. Было неясно: то ли расширяется призрачное пятно, то ли это сама тьма скручива-

ется и превращается в тоннель, в конце которого нет никакого света.

Вдруг ей стало не по себе оттого, что в темноте и тишине совсем рядом с ней лежит тело.

Мёртвая молодая женщина.

Паула сжала уши руками и услышала, как тихий шум её собственной крови превращается в бурление потока воды. Она была не одна, совсем недавно обезумевшая женщина в этом потоке пыталась оттолкнуть от себя тьму, которая сдавливала её со всех сторон. В панике тело превратилось в сгусток страха, который слился с Паулой, поселился в ней, искал спасения в её лёгких и в то же время не давал им дышать. Она не могла сделать ни вдоха. Глаза Паулы были открыты – теперь уже точно, – и она вглядывалась в темноту. Она видела эту тьму. Абсолютно бескрайнюю. Из неё было не выбраться, она поглотила женщину.

Паула вдохнула полной грудью – так шумно, что звук эхом отразился от стен контейнера.

Она стояла неподвижно, прислушиваясь к тому, как успокаивается дыхание. Вокруг царил тишина, и снаружи тоже было не различить ни звука.

Личность женщины нужно установить незамедлительно. Это должно стать первым шагом к истине, а Паула привыкла идти последовательно, избегая пустых и, главное, преждевременных предположений. Обычно детали складывались в почти безупречную картину. Убийства редко отличались

разнообразием, и, как правило, вывод о мотиве можно было сделать ещё на месте преступления.

Но это убийство выглядело совершенно иначе.

Паула снова закрыла глаза, мысленно собрала имеющуюся информацию и попыталась представить её в виде голых фактов.

Жертва: молодая темнокожая женщина.

Причина смерти: утопление.

Орудие убийства: контейнер.

Место преступления: резиденция фонда «Лехмус».

Если взять лишь один из этих фактов – тот, что тело обнаружено в контейнере, – то определённая картина всё-таки вырисовывалась. Уже не первый год подобное показывали в новостях, хоть и не про Финляндию: запертые в железных ящиках нелегальные мигранты. В самых страшных случаях в одном контейнере находили десятки погибших.

Но обычно люди умирали от удушья, когда в переполненном контейнере заканчивался воздух.

Если же принять во внимание утопление, контейнер и этническую принадлежность жертвы, то в первую очередь Пауле в голову приходило Средиземное море – могила для тысяч беженцев, стремившихся в Европу через Африку. Но здесь море было не Средиземное, да и по цвету кожи делать выводы было нельзя: женщина вполне могла родиться в Финляндии.

Если взять отдельно женщину и контейнер, то картина

снова менялась. Изнасиловали ли жертву? Внешних признаков насилия не наблюдалось, да и одежда порвана не была.

Оставался фонд «Лехмус» и его резиденция. Да ещё Юхана Лехмусоя – директор компании, владевшей контейнером. Из-за этих двух кусочков пазл никак не складывался.

Но это ли было важнее всего?

Паула поняла, что просчиталась: не стоило отправлять Ренко разговаривать с семейством Лехмусоя в одиночку.

Она открыла глаза и вновь содрогнулась: её по-прежнему окружала непроглядная тьма. Но это была лишь тень той паники, которая овладела женщиной, когда вода хлынула в закрытый контейнер.

Вообще ставить себя на место жертвы среди полицейских считается бессмысленной затеей, даже нежелательной – это мешает сосредоточиться. Но Паула не могла не думать о последних мгновениях жизни этой женщины. Способ убийства был не просто немислимым, а немислимо жестоким. Жертва обломала все ногти, из последних сил пытаясь открыть дверь и выбраться наружу. Но и без ногтей она продолжала до последнего цепляться за жизнь.

Сколько это могло продлиться? Долго ли контейнер наполнялся водой?

Напоследок Паула сделала ещё один глубокий вдох и решительно постучала в дверь. Она испытала облегчение оттого, что реакция на стук оказалась мгновенной и тьму тут же прорезал яркий солнечный свет.

Открывший дверь сотрудник удивился, увидев выражение её лица, но промолчал.

Паула поймала себя на том, что улыбается – ведь напряжение спало, сделала лицо посерьёзнее и принялась раздавать указания. Она всегда делала это скрупулёзно и ожидала, что её внимательно выслушают, прежде чем приступить к делу, хотя многие инструкции были очевидны и сотни раз озвучены прежде. В начале карьеры это помогало ей почувствовать себя лидером, но и позднее привычка никуда не делась.

Видавшие виды сослуживцы знали, как работает Паула, и уважали её. Раздача указаний не говорила о недоверии – скорее была своего рода ритуалом.

На этот раз люди молча стояли вокруг Паулы, а ей как раз хотелось бы послушать, что они думают. Правда, только рутинной работы им уже хватит до позднего вечера.

Одного из криминалистов Паула позвала с собой к берегу, но прежде сходила в машину переодеться и вытереться влажными салфетками, которые нашлись под задним стеклом. Взглянула на себя в зеркало заднего вида и поняла, что тушью пользоваться не стоило.

Лехмусоя и компания топтались на лужайке у дома, но Паула показала сотруднику, что идти лучше по самому краю. Не успели они отойти, как Паулу окликнули.

У дверей контейнера стояла женщина-эксперт, которая держала что-то в руке.

– Нашлось под телом, – сказала она, когда Паула верну-

лась.

Это был кулон, в котором Паула тут же признала изделие от «Калевалы»¹⁰. На цепочке висело бронзовое украшение с гравировкой, которая уже начала зеленеть от солёной воды. Цепочка порвана, замочек закрыт.

Узор оказался тоже знакомым: лента образовывала квадрат с небольшими петлями по углам.

– У меня такой же, – добавила женщина. – Это крест Святого Ханнеса.

– Он что-нибудь означает? – спросила Паула.

– Это древний символ. Если не ошибаюсь, должен оберегать от зла.

Паула взглянула на открытую дверь контейнера.

Если кулон принадлежал покойной, то она столкнулась с таким злом, от которого ничто не могло уберечь.

¹⁰ Kalevala Koru – крупнейший в Финляндии производитель ювелирных украшений. – Прим. пер.

Закатав штанины и рукава комбинезона, Ренко стоял с Юханой Лехмусоя на конце длинного пирса спиной к берегу. Лехмусоя показывал направо, на море – туда, где горизонт растворялся в солнечном свете.

Набережная была забетонирована, между ней и лужайкой лежала полоса природных камней.

Лаури Аро в компании трёх женщин сидел в беседке. Вход в неё обвивал хмель, к Юханнусу он успел дотянуться до самой крыши. Дверь была открыта, и в тот момент, когда Паула спускалась к берегу, она услышала, как все четверо сидевших в беседке рассмеялись.

Марево стояло даже над берегом, но гладь моря источала прохладу раннего лета. Криминалист, которого Паула позвала с собой, направился к точке на берегу, откуда было ближе всего до ворот, – в поисках следов того, как и откуда воду закачали в контейнер.

Паула осматривала спускающуюся к морю лужайку, которая, как и сказал управляющий, была только что подстрижена. Если здесь и тянули шланг, то никаких следов уже не осталось.

– Детектив!

Это был Лаури Аро. Он стоял у входа в беседку сунув руки в карманы шорт. Аро производил впечатление типично-

го финна, ничего примечательного, разве что был несколько пижонски одет и где-то успел загореть.

– Прошу вас, – сказал он, жестом приглашая Паулу в беседку.

Паула бросила взгляд на Ренко, который, казалось, продолжал любоваться видами вместе с Юханой Лехмусоя. Ренко что-то говорил – его голос доносился с берега, но слов было не разобрать.

– Благодарю, – ответила Паула и вошла.

Беседка оказалась летней кухней с панорамными окнами, выходящими на воду.

За большим круглым столом сидели три женщины: две выглядели ровесницами Паулы, третья – сильно моложе. Они крутили в руках высокие бокалы с остатками вина.

Паулу несколько раздражал тот факт, что женщины продолжали пить вино, узнав о преступлении.

– Добрый день. Я – детектив Пихлая, – сухо произнесла она и кивнула каждой.

Женщины переглянулись, затем посмотрели на бокалы и поставили их на стол.

Та, которая сидела посередине, смущённо улыбнулась. Это была женщина лет сорока, миниатюрная, с небольшой грудью. Она запросто влезла бы в мальчишеские джинсы.

Паула помнила времена, когда она была бы не прочь поменяться с кем-нибудь телами и занять такую фигуру, чтобы одежду можно было покупать в любом магазине, а не ис-

кать бесконечно, практически не имея возможности выбора.

Женщина была одета в короткое чёрное платье без рукавов, ногти покрыты красным лаком, тёмные волосы острижены ёжиком.

У второй дамы волосы были длинные и светлые – светлее, чем у Паулы. Судя по всему, за ними хорошо ухаживали и окрашивали в дорогом салоне. Женщина была одета элегантно, но невыразительно – словно по долгу службы, которая её совершенно не интересовала.

– Меня зовут Элина Лехмусоя, – приветливо представилась блондинка, – а это моя дочь Элла и Май Ринне.

Элла Лехмусоя мило улыбнулась Пауле. Высокая и худая, она казалась ещё подростком, хотя, судя по бокалу, была совершеннолетней. На ней были топ и короткая джинсовая юбка.

– Будьте любезны, расскажите, что случилось. Мы никак не добьёмся ответа от мужчин, – сказала Элина Лехмусоя.

Её вежливость выглядела вполне искренне. Казалось, она так же спокойно могла произнести это в любой другой ситуации: *«Будьте любезны, расскажите...»*, после чего приступила бы к решению проблемы – вытерла бы рот младенцу, успокоила разъярённую свекровь или дала любовнице мужа денег на такси.

У этой женщины всё в жизни было под контролем.

Май Ринне казалась гораздо более живой. Не скрывая любопытства, она смотрела не на Паулу, а в окно, на кримина-

листа у берега. Паула разглядывала её ярко-красные губы. Она никогда не понимала, зачем вообще нужна помада, но Май Ринне яркий макияж был к лицу. В отличие от самоуверенной, но несколько блёклой Элины она, несомненно, выглядела прекрасно.

Паула попросила женщин и Аро подождать, пока она сходит за напарником и Юханой Лехмусоя, и, выйдя из беседки, спустилась к пирсу – такому длинному, что к нему можно было пришвартовать океанский лайнер.

– Позапрошлым летом я поймал здесь морскую форель, – подойдя ближе, услышала Паула голос Юханы.

– Ого! – восхитился Ренко. – На какую приманку?

– На обыкновенную блесну.

Паула кашлянула, мужчины обернулись. На вспотевшей физиономии Ренко красовалась широкая улыбка.

– Пойдёмте к остальным, я обрисую ситуацию, – предложила Паула.

Пропустив Юхану Лехмусоя вперёд, она спросила у Ренко, удалось ли ему пообщаться со всеми пятерыми наедине.

– Всё здесь, – ответил Ренко и похлопал по карману комбинезона, откуда выглядывал смартфон.

– Не знала, что ты рыбак.

– Вовсе нет. Но, общаясь с тестем, чего только не слушаешься.

Паула взглянула на Ренко с некоторым изумлением. Впервые она задумалась о том, что недооценивала временного на-

парника.

– Какое они произвели на тебя впечатление? – спросила Паула, кивнув на беседку куда только что зашёл Лехмусоя.

– Какое впечатление обычно производят богачи... Вежливые, но осторожные.

По большому счёту все они рассказали об утренних событиях в одном ключе. Юхана и Элина Лехмусоя провели весь прошлый день у себя в Эспоо с сыном Джерри. Элла днём была в городе, ночевала в своей квартире в центре. Утром на велосипеде поехала к родителям – хотела отправиться в резиденцию вместе с ними. Джерри же предпочёл дожидаться бабушку.

Как и было условлено, Юхана, Элина и Элла приехали к десяти. Лаури Аро и Май Ринне опередили их буквально на пять минут.

– Они встречаются? – удивилась Паула.

Ей показалось, что для Май Лаури выглядит чересчур заурядным.

– Этого я не знаю. Каждый сказал, что накануне был на работе, а ночевал дома в одиночестве. Но сюда они приехали вместе на красном двухместном кабриолете. Кстати, отличная машина, «Альфа Ромео Спайдер» семидесятого года.

– Какая ценная информация.

– Они сами рассказали, – смутился Ренко. – В любом случае они позвонили Юхане и стали ждать его у ворот, поскольку на территорию заехать не могли.

Юхана Лехмусоя тщетно пытался открыть контейнер, затем его сменил Лаури Аро, также безрезультатно. Тогда Юхана позвонил управляющему – уже «в истерике», как выразилась Май Ринне. После чего все пятеро занесли вещи в дом и отправились в беседку завтракать.

Паула попыталась представить, как Юхана Лехмусоя впадает в истерику. Видимо, Май всё же преувеличила.

– Что они говорили о контейнере, когда общались друг с другом?

– Насколько мне удалось услышать, ничего. Когда мы с Аро отошли и он спросил о происходящем в лоб, я ответил, что в контейнере труп. А женщины, должно быть, думают, что мы расследуем кражу со взломом, – конечно, если Аро им ничего не рассказал, – сказал Ренко.

– Похоже, рассказал, – заметила Паула: из беседки донёсся звон разбитого бокала.

Обстановка на летней кухне подтвердила это предположение. Элина Лехмусоя собирала с пола осколки, а Юхана наполнял новый бокал для Май Ринне, которая сидела у стола, приложив ладонь к губам. За вторую руку её держал Лаури Аро.

Паула дождалась, пока Элина и Юхана сядут, а Май опустошит бокал, после чего официальным тоном объявила, что у ворот резиденции произошло убийство и вся территория будет немедленно оцеплена.

– Какой ужас... – прошептала Элла и прильнула к матери,

которая обняла её за плечи.

– Скоро вы сможете уехать домой. Но у меня есть ещё пара вопросов. Управляющий утверждает, что контейнер принадлежит «Лехмусу». Кто-нибудь представляет, зачем он здесь?

– Я сразу понял, что он наш, – ответил Юхана. – Но доставить его к воротам мог кто угодно.

– Нам нужно знать, каким образом можно заполучить контейнер. Только будучи сотрудником фирмы или это обязательно? А ещё хотелось бы понять, у кого есть доступ к подобной информации. Кроме того, нам нужны данные о том, где контейнер должен находиться на самом деле.

– Завтра же Юханнус! – воскликнул Аро.

– Информация нужна срочно, – сказала Паула, не сводя взгляда с Юханы.

– Я всё устрою, – ответил тот.

– Сегодня, – добавила Паула таким тоном, что Юхана понял: это не просто пожелание.

– Далее, нам надо как можно скорее опознать труп. Сейчас мы дадим СМИ краткий релиз, но в медиа совершенно точно может просочиться информация о месте преступления. Поэтому прошу вас не давать комментарии журналистам.

– И в мыслях не было! – сказал Лаури. – Лучше вообще не отвечать на звонки с незнакомых номеров, – эти слова он адресовал Элле.

Та из девушки снова превратилась в девочку, которой вдруг открылось всё зло этого мира.

– Но на мои звонки всё же лучше отвечать, – заметила Паула и, протянув Юхане визитку, дополнила: – К сожалению, это последняя. Я руковожу расследованием и прошу: если вы вспомните о чём-то, что может иметь отношение к делу, – тут же сообщите мне.

Юхана Лехмусоя вбил номер Паулы в телефон и передал карточку дальше. Последней была Май – она осталась сидеть неподвижно с визиткой в руках.

– Будьте на связи – очень скоро нам снова придётся вас побеспокоить. Прежде чем вы уйдёте, попрошу взглянуть на снимок. Предупреждаю: это лицо погибшей, фото я сделала только что.

Май Ринне поднесла к губам бокал, но он уже успел опустеть. Остальным тоже явно хотелось выпить.

Паула нашла фотографию в телефоне и сперва взглянула на неё сама. Снимок не выглядел страшным, глаза женщины были закрыты и по лицу было невозможно определить, что она утонула.

Лишь теперь Паула внимательнее всмотрелась в черты лица и гладкую смуглую кожу. Оценить возраст женщины было непросто. В контейнере ей показалось, что жертве не больше тридцати, но, похоже, она была сильно старше.

– Посмотрите по очереди, не торопясь, и скажите, не встречали ли вы этого человека раньше или не кажется ли вам знакомым лицо жертвы, – сказала Паула и протянула телефон Юхане.

Тот осторожно взял аппарат за края, словно боялся прикоснуться к мертвецу. Пока он подносил экран ближе к глазам, Паула внимательно следила за его губами.

По опыту она знала, что хуже всего человек контролирует рот. Если есть что скрывать, можно сохранять невозмутимое выражение лица, но, увы, не в области вокруг губ, где часто заметны признаки напряжения.

Юхана долго всматривался в изображение – так долго и сосредоточенно, будто хотел в чём-то удостовериться.

– Кажется, впервые вижу, – наконец сказал он, по-прежнему глядя на фото.

Лаури Аро в нетерпении выхватил телефон из рук Юханы. Лицо его выражало не просто любопытство, а даже некоторое возбуждение. Паула думала, что, будучи корпоративным юристом, он, как и все обычные люди, видел убийства в основном в телесериалах.

– Нет, это лицо мне ни о чём не говорит, – произнёс он, повернул аппарат и, вытянув руку, отдалил его от лица.

«Пресбиопия», – подумала Паула. Она взяла телефон у Лаури и повернула экран к Элине, которая даже не пошевелилась, чтобы взять аппарат в руки.

Не успела Паула поднести смартфон достаточно близко, чтобы можно было разглядеть лицо, как Элина не выдержала:

– Но это же...

Не договорив, она так и осталась сидеть с открытым ртом.

Элла придвинулась, чтобы взглянуть на фото вместе с матерью. Паула молча держала телефон, не поднося его ближе и дожидаясь окончания фразы.

– ...Женщина, – закончила за неё Элла.

– Знаешь её?

Элла рассмотрела фото поближе и покачала головой.

– Я не видела её раньше, – наконец произнесла Элина.

Паула была уверена, что Элина Лехмусоя не лжёт. Но что-то на фотографии поразило её. Что же?

Элина уже взяла себя в руки и больше не казалась ошарашенной.

Оставалась Май Ринне – когда Паула поднесла телефон, она плотно сжала свои ярко-красные губы.

– Я её не знаю, – сказала Май. – Вы ведь не воображаете, что кто-то из нас или из фонда замешан в этом? – добавила она.

– Мы ничего не воображаем, – нарочито холодно ответила Паула.

– Название «Лехмус» в сообщениях полиции упоминаться не должно. Это навредит работе фонда, – решительно продолжила Май.

– Май права, – поспешил вставить Лаури Аро. – Тем более, если на то пошло, контейнер стоит не на территории резиденции, а за воротами.

– Если на то пошло, полиция сообщает то, что считает нужным. Или то, что считаю нужным я, – тон Паулы оста-

вался ледяным, несмотря на её вспотевший лоб.

Лаури кашлянул и скрестил руки на груди, Май приподняла тщательно выщипанные брови.

– Мне жаль, если вас это расстраивает, но нам важно установить личность жертвы, – примирительно сказал Ренко.

Это выглядело нелепо: и Лехмусоя, и Аро, и Ринне словно забыли об убитой и думали совсем о другом – о проблемах и репутационном ущербе из-за контейнера с трупом.

– Прошу подождать здесь, скоро я пришлю того, кто проводит вас к машинам. Нужно ли вам забрать что-то из дома? – спросила Паула максимально нейтральным тоном.

Юхана взглянул на Элину, та покачала головой.

– Если забыли что-то важное, можете позвонить мне позже.

– Позже? – удивилась Элина. – Когда мы сможем сюда вернуться?

– Пока трудно сказать. Думаю, не раньше, чем через неделю. Всё-таки речь об убийстве, нам предстоит обследовать большую территорию.

Если это и возмутило кого-то из Лехмусоя, то им удалось скрыть эмоции. Но за столом повисла тишина, которая никак не сочеталась с солнечным предпраздничным вечером. На прощание Паулы никто не отреагировал.

– Всем хорошего дня, – сказал Ренко, выходя вслед за Паулой.

– Всем хорошего дня, – негромко повторила Паула, когда

они уже поднялись по склону к зданию.

– Что?

Паула усмехнулась про себя, вспомнив, что Ренко молчал, пока она общалась с людьми. Стало быть, при желании он всё-таки умеет держать рот на замке.

– Думаешь, кто-то узнал её? – спросила Паула.

– На первый взгляд нет. Но я собираюсь посмотреть на их реакцию ещё раз.

– В смысле?

– Я снял на видео, как ты показывала им фотографию. Да, без разрешения, но это ведь особый случай. Как-то во время обучения нам сказали, что снимать видео – всё равно что вести записи. Правда, здесь не общественное место, но... я стоял довольно далеко и вообще не уверен, удастся ли рассмотреть лица.

– Ренко! – Паула остановилась.

Ренко повернулся и с опаской глянул на напарницу поверх очков, словно нашкодивший школьник на директора.

– Это чертовски здорово, – сказала она. – Кстати, ты обратил внимание на серёжки Элины?

– Хмм... Такие гвоздики? Помню, они были маленькие. А что?

– На них крест Святого Ханнеса.

– И что?

– Пока не знаю. Может, и ничего.

Фото и отпечатки пальцев женщины из контейнера были тут же разосланы в разные ведомства, но Паула особо не надеялась, что личность удастся установить до конца праздников. И это её удручало.

Хартикайнен и Медведь подключатся к расследованию только завтра. Паула смотрела на Ренко. Сидя в углу кабинета, он просматривал на быстрой перемотке запись с уличной камеры в резиденции – задом наперёд начиная с десяти часов утра.

Камер на территории было две: одна направлена на главный подъезд, другая – на чёрный ход. Вряд ли преступник попал в их поле зрения, разве что ему пришло в голову вломиться в дом прямо через дверь. Запись с главного входа Ренко уже просмотрел – и безрезультатно. На воротах же камеры не было вовсе.

Просматривая видео, Ренко успел ответить на два звонка, содержание которых сводилось к вопросу: когда ждать домой? Паула вспомнила о временах, когда ей самой приходилось отвечать на такие вопросы. Это было много лет назад.

Тосковала ли она? Сложно сказать. Но собиралась отпустить Ренко домой, лишь когда тот досмотрит запись.

Сама Паула изучала видео, снятое Ренко: Лехмусоя, Аро и Ринне по очереди рассказывали о том, чем занимались в

течение прошлых суток.

Ренко начал с Эллы Лехмусоя, и её жизнерадостность совершенно не вязалась с общей картиной произошедшего: в тот момент девушка ещё не знала, почему ей задают вопросы. Элла отвечала, периодически посмеиваясь и поглядывая в сторону – очевидно, на мать, которой Ренко позволил остаться, несмотря на то, что дочь была совершеннолетней.

С раннего утра четверга и до двух они с Май Ринне работали в арендованной фондом галерее. После Эллы встречалась в городе с подругами (хотите, дам номерок, хи-хи-хи), потом зашла в продуктовый и часам к шести вернулась домой. Вечером, когда жара спала, вышла прогуляться, а утром около восьми поехала на велосипеде к родителям.

Май Ринне задержалась в галерее до пяти. После ухода Эллы туда пришёл Паавали Кассинен – художник, которого фонд привлёк к одному из проектов. Из галереи Май и Кассинен ушли одновременно. Май сразу отправилась домой в Пунавуори, а наутро за ней заехал Лаури Аро. «У меня нет машины», – пояснила Май, допила вино, протянула пустой бокал за кадр и тут же получила полный. Судя по всему, Ренко не удалось выдворить остальных из беседки на время допроса.

Ответы Элины Лехмусоя были краткими и точными. Казалось, она тщательно подбирала слова, хоть и не знала, что случилось. О событиях четверга и пятницы они с Юханой

рассказали практически одно и то же – и это неудивительно, если учесть, что они слышали ответы друг друга. «Как и сказала Элина, весь четверг мы провели дома», – говорил на следующей записи Юхана, причём несколько раздражённо, словно обращался к непонятливому ребёнку.

Лаури Аро на видео выглядел самым встревоженным. Видимо, в голове юриста тут же начали крутиться мысли о том, чем происходящее грозит фонду «Лехмус». Он отвечал односложно: был на работе, поехал домой, смотрел телевизор.

Паула остановила видео и помассировала веки. Пока жертва не опознана, всё это было по большому счёту бесполезно.

Вскоре после возвращения домой Юхана Лехмусоя позвонил ей и назвал имя водителя, который привёз контейнер к воротам. Другие данные он в тот же день добыть не смог. Паула это предвидела, но чем меньше людям даёшь времени, тем быстрее они действуют.

Водитель по телефону тоже рассказал не так много – для него это был самый обычный рейс. Водители «Лехмуса» узнавали номер контейнера и адрес доставки из компьютерной системы. Обычно там отображались имя и телефон заказчика, но на сей раз данные отсутствовали. Водителя это не удивило, поскольку контейнер нужно было привезти к воротам «Лехмуса» – получается, для нужд фонда. Он предположил, что в резиденции происходит какая-то уборка.

Пока личность женщины оставалась неизвестной, сузить

круг расследования было сложно.

Паула просмотрела на компьютере фото с места преступления. Криминалисты поработали основательно, можно будет обобщить их данные на утреннем совещании в девять, перед вскрытием. Изначально Паула хотела устроить совещание в восемь, но криминалисты сделали такие лица, что она тут же перенесла его.

Как-никак Юханнус.

Паула сочла, что праздничным утром в отделе будет нечего делать. Данные по вскрытию едва ли поступят раньше второй половины дня. К тому же ей не хотелось видеть похмельные физиономии, и она рассчитывала, что к девяти все успеют привести себя в благопристойный вид.

Сама Паула пила редко, но особенно тщательно избегала алкоголя в последние месяцы. Она опасалась, что может перестать контролировать себя в стрессовой ситуации, как это случилось с отцом. Впрочем, отец вовсе не считал это проблемой.

В новогоднюю ночь, когда все устремлялись в центр смотреть салют и открывать шампанское, Паула всегда предпочитала совершить пробежку. Обычно ей хотелось это сделать именно тогда, когда другие что-то праздновали. Однажды под Новый год она даже повстречала знакомого, который был прямо-таки уязвлён тем, что кто-то занимается спортом в такой день, нарушая праздничный настрой.

Но это был способ наказать не других, а себя.

– Ничего. Nada¹¹, – сказал Ренко.

Он закончил своё занятие. Паула взглянула на часы: половина пятого.

– Уходишь?

– Похоже на вопрос с подвохом, – усмехнулся Ренко. – Что-то ещё нужно сделать?

– Нет, иди.

– Ты тоже.

– Я скоро.

– Напишу жене, чтобы подвезла со станции. Чем займёшься вечером? – спросил Ренко, набирая сообщение.

Паула промолчала, и Ренко засмутился. А смутившись, заговорил сам.

– Да уж, теперь толком не попразднуешь. Можно взять пива в сауну или выпить пару бокалов вина. То есть маленьких бокальчиков, а не таких, какие обычно фотографируют для глянцевого журналов. Вообще бокалы – тонкий момент, за просто можно дать маху. В пару бокалов вполне может быть разлита целая бутылка. Ну, если брать такие, размером с вазу.

Паула раздражённо уставилась в экран компьютера.

Наверное, было бы лучше, если бы она как-нибудь уклончиво ответила на вопрос. Но это шло вразрез с её принципами: о личном не спрашивают, а если сам хочешь поделиться чем-то без спроса, стоит дважды подумать.

¹¹ Ничего (исп.). – Прим. пер.

Молчание вконец обеспокоило Ренко.

– Мы с супругой тоже будем дома. Особых планов нет, гостей не ждём. Может, сходим в сауну, потом пожарим сосисок. Или наоборот, сначала гриль. Надо бы по дороге заскочить за цукини, утром забыл.

– Исследования развивающихся стран, – вдруг произнесла Паула.

Болтовня Ренко не давала ей сосредоточиться, но вдруг, словно вытащив случайную карту из колоды, она ухватила один момент.

– Фонд «Лехмус» поддерживает исследования развивающихся стран, так ведь? – спросила она Ренко, который, похоже, всё ещё думал о цукини и теперь не мог сообразить, как развивающиеся страны связаны с этим овощем.

– Да. Это написано у них на сайте, – медленно проговорил он. – Что ты хочешь сказать?

Паула не ответила: ответ прозвучал бы глупо. Поскольку жертва темнокожая, она вполне могла быть родом из развивающейся страны.

В любой другой ситуации подобная мысль выглядела бы не только глупой, но и расистской. Но сейчас речь шла об убийстве, и пока это была единственная ниточка между темнокожей женщиной и фондом «Лехмус», которую Пауле удалось нащупать.

Тонкая ниточка, но единственная.

Кроме того, Финляндию всё ещё можно назвать «белой».

Лишь недавно финны начали осознавать, что невежливо спрашивать темнокожих людей о месте рождения – те вполне могли родиться в Финляндии. И финские полицейские пока только привыкают к тому, что цвет кожи – не повод для проверки документов.

– Да ничего, просто вспомнила, – сказала Паула. – Хорошего Юханнуса, не забудь про цукини. Супруге привет.

Ренко обещал передать. Насмешку, проскользнувшую в слове «супруга», он не заметил.

С уходом Ренко Паула взяла в автомате холодную минералку и вновь села изучать фотографии.

Контейнер был запечатлён со всех сторон. На одном снимке на заднем плане белым расплывчатым пятном виднелась резиденция. Сам контейнер стоял в тени лип, словно безмолвная зловещая громада у врат рая. Эта фотография вполне могла бы стать настоящим произведением искусства.

Тело тоже выглядело весьма необычно. По крупным планам нельзя было определить, что женщина страдала, – напротив, на снимках она была необычайно красива. Но самыми удивительными были кадры, сделанные издалека, от двери контейнера.

На них женщина казалась забытой, незащищённой, брошенной в одиночестве. Некоторые фото были сделаны без вспышки, и тело выглядело просто силуэтом у стены.

Зная личность жертвы, можно будет строить предположения о мотивах преступления. Но был ещё один не менее важ-

ный вопрос, который выделял это убийство среди всех, которые Пауле доводилось расследовать.

Зачем её убили именно так?

Почему выбрали столь странный способ?

Дело здесь не только в том, что она должна была умереть.

Паула двумя долгими глотками выпила минералку и пузырьки ударили ей в нос. Затем она вбила в поиск имя Юханы Лехмусоя. Помимо сайтов фирмы оно упоминалось лишь в новостях и в результатах соревнований по триатлону. Паула разочарованно вздохнула – естественно, Юхана увлекался спортом, популярным среди больших боссов.

В последней новости говорилось о том, что Юхана Лехмусоя вошёл в состав руководства «Лехмуса». Материал был ещё февральский, в конце статьи приводилась ссылка на некролог Ханнеса Лехмусоя.

Учредитель корпорации «Лехмус», «основатель целой империи» и «великодушный благотворитель» скоропостижно скончался в январе в возрасте 67 лет. Автором некролога значился Лаури Аро, и в тексте сквозило низкопоклонство. Поскольку сам Ханнес умер, эта лесть, очевидно, была адресована Юхане.

Автор писал весьма высокопарно, но тем не менее в деловых заслугах Ханнеса Лехмусоя сомневаться не приходилось. История многопрофильного концерна началась с маленькой портовой фирмы, которая сдавала контейнеры в аренду – и со временем превратилась в успешную компанию.

Со своим бизнесом Лехмусоя «подчас смело до безрассудства» врывается в новые сферы – и новые страны. Уже в восьмидесятые «Лехмус» работал в Африке.

В новом тысячелетии при поддержке фонда «Лехмус» в контейнерах поставляется помощь странам третьего мира – и не только африканским.

Фонд «Лехмус», контейнер, Африка.

Паула снова взглянула на часы. Интересно, Хартикайнен уже успел сходить в сауну?

Пляж был усеян нетрезвой молодёжью, причём многие выглядели так, как будто по возрасту выпивать им было ещё рано.

У самой воды расположилась компания, вокруг которой валялись вещи: обувь, полотенца, пустые банки из-под пива и коктейлей, пакеты, сумка-холодильник и разнообразный мусор.

Рядом с сумкой, по всей видимости, в бесчувственном состоянии, лежала девочка лет тринадцати, которую и подростком нельзя было назвать. Её платье задралось чуть ли не до пояса, и из-под него виднелись трусики с детским узором.

В сущности, она и была ребёнком.

Джерри бросил окурок и присыпал его. Солнце только начало клониться к горизонту, и набившийся в сандалии песок по-прежнему обжигал пятки.

Он отправился в город, потому что вечерние планы домашних изменились. На самом деле его это не расстроило – было бы куда лучше встретить Юханнус с друзьями, нежели с семьёй. Хотя все друзья куда-то подевались: он писал им, но никто не отвечал. Джерри заподозрил, что это случилось неспроста. Не исключено, что остальные празднуют на другом пляже и хихикают над тем, как он надоедает им своими сообщениями.

Джерри сомневался, приняли ли его вообще одноклассники. В прошлом году он перешёл в другую школу, и новый класс вообще-то ему нравился. Здесь к нему относились нормально и даже, казалось, были не прочь подружиться. Хотя, быть может, он придавал дружбе слишком большое значение.

В прежней школе его считали «каким-то не таким», а для новой он был просто слишком богатынький. Джерри довольно быстро осознал это и начал говорить о родителях пренебрежительно. Даже рисовал в воздухе кавычки, произнося «мама» и «папа», что веселило главную заводилу класса – девочку, которая слушала блэк-метал. Она никогда не тянула руку на уроках, но училась отлично. Джерри был готов чуть ли не есть с её руки с выкрашенными в чёрный ногтями.

Сегодня девчонки не было в компании одноклассников, и это было для него единственным утешением.

Девочка-подросток лежала и не шевелилась. Приятели – если это вообще были её приятели – сгрудились вокруг длиноволосого гитариста. Он весьма экспрессивно что-то исполнял, но эта экспрессия вряд ли могла скрыть плохую игру.

Джерри присел и взял девочку за запястье. Рука была тёплой, и он явственно ощутил пульс. Он одёрнул ей платье, чтобы скрыть трусики.

– Какого хрена?

Джерри вскочил. На него грозно смотрел гитарист.

– Какого хрена ты её лапашь?

– Я не... – произнес Джерри. – Я просто...

– «Я просто», «я просто», – передразнил гитарист, отдал гитару товарищу и поднялся.

Инстинкт подсказывал Джерри, что надо уносить ноги. Но тем не менее ему хотелось объясниться.

– Я просто проверил, всё ли с ней хорошо.

– Задницу её ты проверил, – ответил гитарист, подходя ближе.

Он шёл медленно, как в кино. Остальные переволновались не на шутку – в отличие от Джерри они знали, что оправдываться бесполезно.

– Я поправил ей платье, – упорствовал Джерри. – Её надо отвести домой.

– А, так ты ещё и проводить её хочешь? Ну конечно. Проводишь и ещё что-нибудь проверишь – снова поправишь платье, например!

– Я вовсе не это... – начал Джерри, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

Гитарист стоял так близко, что Джерри мог разглядеть тёмные крапинки в его голубых глазах – красивых, но холодных. Джерри затаил дыхание. Пару секунд они неподвижно смотрели друг на друга, но затем Джерри не выдержал и повернулся, чтобы уйти.

Удар пришёлся в ухо. Джерри повалился на живот рядом с девочкой. В голове гудело, он попытался встать, но получил сильный толчок в спину и снова оказался на песке.

Пошевелиться он больше не решался. Песок обжигал нос и левую щёку. Уха он не чувствовал и словно издалека слышал, как кто-то пытается утихомирить гитариста, умоляя его прекратить драку.

Джерри всё ещё лежал, когда гитара зазвучала снова. Это была песня Эда Ширана, которая ранее прервалась. Ребята начали подпевать. В рот Джерри набился песок. Не обращая на это внимания, он осторожно поднялся на четвереньки и на словах *I'm in love with your body*¹² начал медленно отползать.

*Every day discovering something brand new*¹³.

Он сплюнул песок вперемешку с кровью, поднялся на ноги и пошёл, не оборачиваясь и не обращая внимания на чужие взгляды. Притронуться к лицу он не решался.

Лишь дойдя до деревьев, Джерри оглянулся на компанию у берега. Некоторые девочки танцевали. Музыки издалека было не слышно, но, судя по танцу, теперь исполнялось нечто быстрое. Гитарист играл сидя, покачиваясь в такт песне.

Девочка так и лежала возле сумки.

¹² Я влюблён в твоё тело (англ.). – Прим. пер.

¹³ Каждый день открываю в тебе что-то новое (англ.). – Прим. пер.

На звонок в дверь никто не ответил, и Паула обошла здание.

После развода Хартикайнен оставил дом жене, где она продолжила жить с детьми, а сам переехал в съёмную трёшку в обычном таунхаусе. На работе над ним подшучивали: мол, раньше расследовал финансовые махинации, а теперь сам оказался их жертвой. Но он относился к этому спокойно. «Селяви», – отвечал он на все насмешки.

Как и ожидала Паула, Хартикайнен сидел во дворе с пивом. Его лицо скрывала тень от маркизы, служившей продолжением крыши, в то время как оголённый торс купался в солнечных лучах.

– О, Гвендолин! – радостно воскликнул Хартикайнен, когда Паула, с трудом пробравшись через щель в живой изгороди, наконец очутилась во дворе.

– Можно побеспокоить? – для приличия спросила она.

– Ради бога. Гвендолин всегда приносит дуновение зимы, а жара стоит невыносимая. По прогнозам эти тропические ночи и не думают заканчиваться, так что скоро спать будет невозможно. А дожди, ясное дело, начнутся вместе с моим отпуском. Пиво будешь?

Хартикайнен показал банку – пиво было безалкогольное, той же марки, что частенько пила и Паула. Похоже, несмотря

на свою внешнюю беспечность, Хартикайнен завязал, пока ещё не поздно.

– Давай, спасибо.

Хартикайнен проворно удалился за дверь, а вернувшись, оказался в белой выдавшей виды футболке. Ледяная банка открылась с шипением, и Паула присела за белый пластиковый стол.

– Твоё здоровье! – сказал Хартикайнен, открыв ещё одну банку пива. – Как отец?

Паула не сразу вспомнила, что брала отгул, чтобы позаботиться об отце, который якобы перенёс операцию на сердце.

– Спасибо, поправляется.

– Отлично, – он едва выдержал паузу, прежде чем перейти к делу, которое его интересовало по-настоящему.

– А теперь расскажи про труп в контейнере. Жаль, сегодня была не моя смена, да и из шефа подробностей по телефону вытянуть не получилось.

Паула улыбнулась и сделала долгий глоток. Хартикайнена попросили выйти на работу в выходные, и вот ему уже не терпится – ведёт себя как четырёхлетка.

– Завтра всё узнаешь. Сейчас я собираю информацию, которая может помочь опознать жертву.

– Чёрная женщина в контейнере у ворот фонда «Лехмус», – сказал Хартикайнен. – Вот и всё, чего мне удалось добиться от босса. С этим фондом я раньше не сталкивался, разве что слышал о нём мельком. А сама контора, конечно,

на слуху, особенно Лехмусоя-старший.

– Ханне с Лехмусоя?

– Ага. Я видел его лишь однажды, но этого было вполне достаточно. Лет десять назад, на каком-то благотворительном вечере. У Арьи оказалось приглашение на двоих, и я составил ей компанию, – Хартикайнен умолк – видимо, задумался о бывшей жене, вспомнив что-то хорошее, а может, и плохое.

Паула допила пиво и любовалась через изгородь на лужайку в лучах заходящего солнца. Свет струился с неба, а луговые цветы и насекомые будто плавали в нём.

– Мы с Ханнесом сидели за одним столом, – наконец продолжил Хартикайнен. – На мероприятие он пришёл один и ещё шутил, что жена не смогла подобрать подходящий наряд. Но я бы на её месте и сам остался дома. Он явно был навеселе, приехал уже поддатый. Когда народ начал ходить туда-сюда, мы пересели. Меня это не то чтобы напрягало, я повидал всякое, а вот Арья захотела при первой возможности отсесть от Ханнеса.

– Почему? Приставал?

– Нет, да ему это и не требовалось: Арья сказала, что он к ней даже не прикоснулся, а она уже почувствовала себя облапанной.

– Как это?

– Она не смогла толком объяснить. Ханнес был дружелюбным и приятным собеседником, но и я как будто заметил в

нём что-то не то. В общем, меня нисколько не удивило, как он потом умер.

– В некрологе сказано – скоропостижно. Сердце подвело?

– Технически да. Но на самом деле он пьяный замёрз в сугробе.

– Откуда ты знаешь?

– Приятель рассказал, – ответил Хартикайнен.

Паула усмехнулась. Хартикайнен был знаком с половиной полицейских в столице, а остальных как минимум знал в лицо. И точно был в курсе слухов, которые среди них циркулировали.

– Никакого криминала?

– Нет. Его смерть попала на камеру наблюдения, и картина совершенно ясна. Более трёх промилле в крови и замёрзшая моча в штанах.

Паула вспомнила спортивную фигуру Юханы Лехмусоя. Вряд ли сына постигнет судьба отца. Но должно же у них быть что-то общее?

– А что насчёт бизнеса, там всё прозрачно? – спросила она.

– Сейчас да. Концерн давно процветает, но была у Ханнеса и пара судимостей.

– За что его судили? – удивилась Паула.

– Насколько я помню, за растрату и налоговые махинации, но это было не один десяток лет назад. В молодости Ханнес был далёк от образа добропорядочного старомодного па-

трона, эту роль он полюбил с возрастом. Не то чтобы он так сильно мошенничал – скорее был мелким усатым засранцем.

– Усы вряд ли имеют отношение к делу, – сухо заметила Паула.

– Ещё как имеют. Усы мало кого украшают, – ответил Хартикайнен и непроизвольно почесал под носом. – А крупный авантюрист должен выглядеть стильно. Делишки Ханнеса были не особо серьёзными. По крайней мере, так мне говорили – сам я тогда ещё учился в высшей школе полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.